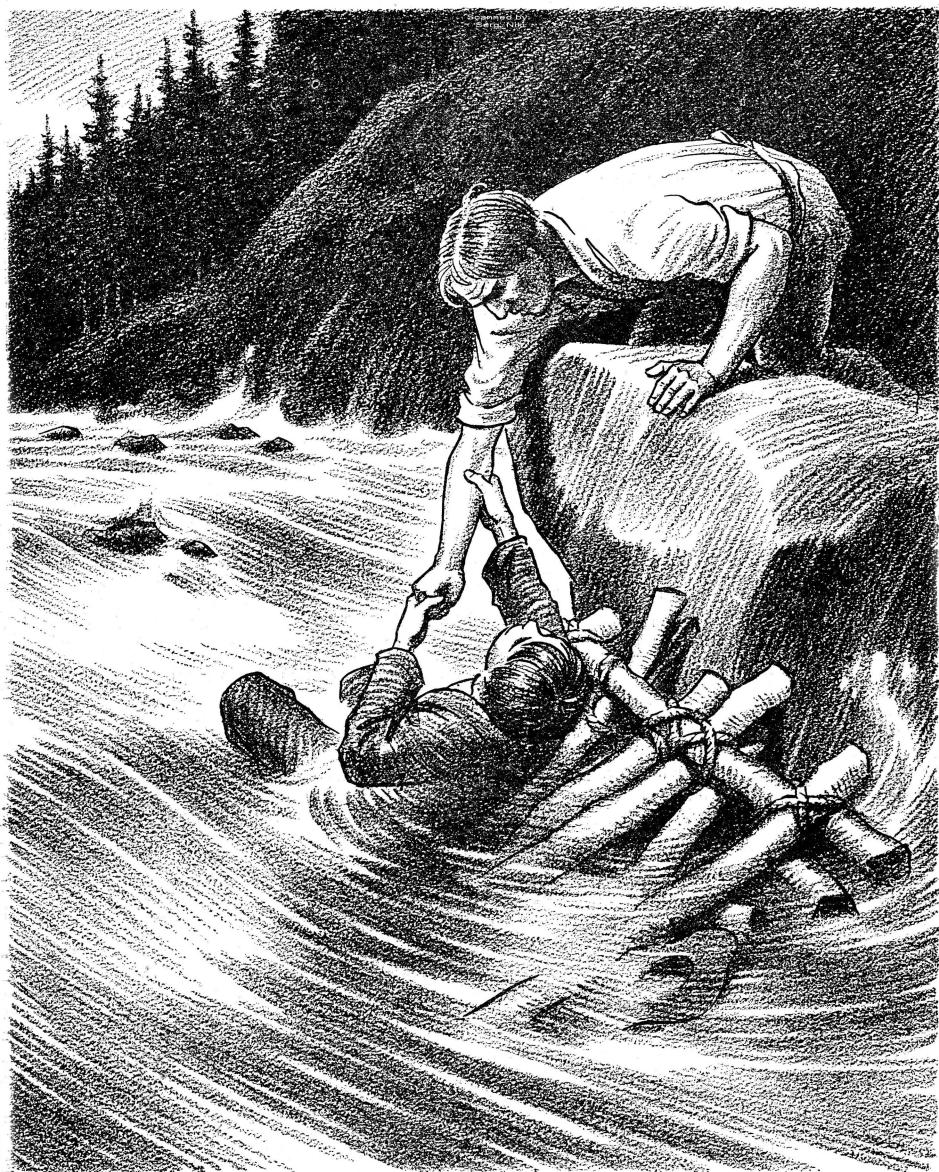

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 11

На плоту. ...Джimmy нагнулся и помог Деву встать на камень, когда разбитый плот уже погружался в воду...

СПЕШИТЕ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ!

15 июня **ИСТЕКАЕТ СРОК** уплаты очередного (третьего) взноса по подписке **В РАССРОЧКУ**.
Во избежание перерыва в получении „СЛЕДОПЫТА“ и приложений **ПОСПЕШИТЕ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ**.
НА КУПОНЕ ПЕРЕВОДА НЕ ЗАБУДЬТЕ УКАЗАТЬ: „ДОПЛАТА“.

18 книг 18 ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ПО 2 КНИГИ В МЕСЯЦ, всего за 10 мес. около 3000 стр.
А. Дюма, Э. Синклера, В. Скотта, Р. Хатгарда, А. Франса, В. Гюго и др. популяр. авторов.

1	книгу — известный роман А. Фадеева	1
3	„РАЗГРОМ“ (350 страниц)	3
3	№№ женского журнала	3
9	„ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА“	9
9	многокрасочных картин	9
1	том (около 60 новых юмористических рассказов) МИХАИЛА ЗОЩЕНКО	1
9	№№ журнала „МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ“	9
9	книг литературно-художественного журнала	9

ПОЛУЧАТ В 1928 г. ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА

№ № 1, 2 и 3 „30 ДНЕЙ“

за текущий год ПОЛНОСТЬЮ разошлись

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

с апреля до конца года

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на журнал „30 ДНЕЙ“ со всеми приложениями (с перес. и доставкой) с апреля (с № 4 до конца года — 1 руб.; с 1-го числа — 1 р. 25 к.)

За отдельную доплату (при подписке до конца года) — 1 руб. высылаются первые 4 книги „Библиотеки Исторических Романов“: 1. Г. Эберс — Урла. 2. Джованни — Спартак. 3. Р. Хатгард — Дочь Монтенуи и 4. Г. Флобер — Салаambo.

== ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: ==

Москва, центр, Ильинка, 15. Изд-во „ЗИФ“.

Подписка принимается также ПОВСЕМОСТНО на почте и в отделениях центральных газет.

Несамени. руковод. для хозяйк
ПОВАРЕННАЯ КНИГА
по Е.А. МОЛОХОВЕЦ
до 500 различных скоромных
и постных блюд, заготовок
соления, маринадов, варений
и напитков. Ц. 1 р.
Книга по любому вопросу
высылаются наложен. платеж.
Москва, Политехни-
ческий музей, пом. 123/н.
Госуд. контора „Транскре-
дама“ (Книжный отдел).

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕПАРАТОВ, ПРИМЕНЯЮ-
ЩИХСЯ К РАСТЕНИЯМ
ЭФФЕКТИВНО РАСТВО-
РЯЮЩИХСЯ В ВОДЕ
УГРЯ, ВЕСУЩИХСЯ, ВЫЗЫВАЮЩИХ
УСЛАВН. РОСТ ВОДОС. И Т. П.
УКАЗАТЕЛЬ
ЗА 8 КОП. МАРКИ
МОСКВА, ПЕРВЫЙ БУДУЩ. АДОН

ПРОИЗВОДСТВО
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ГОЛОВИНА
ВЕСКИЕ 2- и
3-рядные и хро-
матич. гармонии, БАЛЛАДЫ и
побуляны, гитары, мандолины,
балалайки. Требуемые прейск.
за 2-8-м. марки, блок, в конш.
Москва, Абрам. д. 55/В.

СКИДКА 75%
Ленинская Библиотечка
46 книжек по осн. вопросам
изложения учения (Ленина).
Вместе 6 р., высылаются за
1 р. 50 к. Пересыл. 1 руб.
Заказы исполняются наложен-
ным платежом. Москва, Поли-
технический музей, этаж.
123/н. Госуд. контора „Транс-
кредама“ (Книжный отдел).

НОВАЯ ПОЛНАЯ
ПОВАРЕННАЯ КНИГА
ДЛЯ ХОЗЯЕК
1025 РЕЦЕПТОВ по при-
готовл. скоромных и
постных кушаний, вегетариан-
ских и диетических пита-
ний, заготовок и запасов, кон-
дитерские изделия, отдал. ма-
соведения и т. д. Составил
новар. И. КОМРАТОВЕВ.
Цена 2 р. 50 к.
Высылает наложенным пла-
тежом Книжное дело
„КИ и Н К“
Москва, Леонтьевск. пер., 18.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК
ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

Одобрен Лени. Советом
Физкультуры, 600 стр. 100
рис. Легкая атлетика. Швей-
царская гимнастика. Спорт
зимний, водный, гребной,
парусный. Франц. борьба.
Джуджитто. Бокс. Фехто-
вание. Гимназия атлетика.
Ханд-бол. Хоккей. Футбол.
Баскет-бол.
Цена с пересыл. 2 р. 90 к.
Адрес: Москва, ул. Герше-
на, д. 31/12. Кооперат. т-во
„СОВРЕМЕННИК“.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ
САМОУЧИТЕЛЬ
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
ЖЕНСКОГО И ДЕТСКОГО
ПЛАТЬЯ И БЕЛЬЯ
В книге 294 рисунка и чер-
тежи. Цена с пересылкой 3
р. 35 к. Книжный склад
„КИ И ГОВЕД“.
Москва, ул. Герцена, д. 22.

ИСТЫ
для фортепиано, скри-
пки, виолончели. Само-
учители для гитары,
мандолины, гармоны,
балалайки. Биографии
композиторов: Бах, Ваг-
нер, Лист, Мусоргский,
Рагел, Римский-Корса-
ков, Рахманинов, Серов, Скря-
бин и Чайковский по 35 коп.
(с иллюстр. — 10 коп.) (Биограф. — 3 р.).
Оперы, романсы, балеты, мо-
нографии и т. д.
Заказы высылаются наложен. пла-
тежом. Москва, Политехнический,
Музей, пом. 123а Госуд. кон-
тора „ТРАНСКРЕДАМА“
(Книжный отдел).

ВНИМАНИЕ!
Г. Г. Бродерсон. Самоучитель
фотографии. 1. Фото в современ-
ных условиях. 2. Фотоустройство.
3. Фотоустройство и самодельные
объективы. 4. Фотоустройство
самодельным аппаратом. Все 4
книги отпечатаны на прекрасной
бумаге со многими рисунками.
Цена 2 р. 50 к., с пересыл. 3 р.
Горьковский, Опытный рыболов-
любитель, рыбная ловля само-
дельными снастями.
Цена 1 р. с пересыл. 1 р. 50 к.
Косой Себастьян. Мои изложе-
ние, изобретение в течение
40 лет. Ц. 1 р. 25 к., с пер. 1 р. 50 к.
Несколько. Технический справоч-
ник. Ц. 2 р. 20 к., с пер. 2 р. 50 к.
Г. Г. Бродерсон. Техно-химиче-
ская промышленность, рецептура.
Ц. 2 р. 20 к., с пер. 2 р. 50 к.
Цена 3 р. с пересыл. 3 р. 50 к.
С. Третьяков. Обращаться: Ленин-
град, просп. Волядарского, 55/В.
Магизин, „Техника и Медицина“.

Классические труды профессоров:

АВГУСТ ФОРБЕЛЬ —
ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Означенные. Происхождение
жизни существ. Беромонность.
Половое созревание. Сексуальная
любовь. Исторические формы по-
лового инстинкта. Печальные болезни.
Половые извращения. Половая
гигиена.
Цена за два тома с пересыл. 40-50 к.
ГЕРМАН РОЙДТЕР
Предисловие проф. В. Броннера
Онанизм
Причины. Формы. Последствия.
Предупреждения. меры. Лечение.
Цена с пересылкой 2 р. 30 к.
Адрес: Москва, ул. Герцена, 31/12
Коопер. т-во „СОВРЕМЕННИК“.

Пикеры ром
коньяк
НАСТОЙКИ
И НАЛИВКИ
На любой приготовить
вкуснейшие напитки, растворив
в них ароматич. табл. „BON GOUT“
Высылают набор на 12 бут.
по получении перевода 3 р. 60 к.
или наложен. плат. Оптом скидка.
Прост. выс. по получ. одной
8-м. мар. Техн.-Хим. лаборатор.
И. П. ДАУГАВЕТ
Москва, почт. отд. 11. Солянка, 1.

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

МОЕ ВОДОЛЕЧЕНИЕ Сост. Сед.
РАСТЕЖИГИН
Испит. в течение 40 лет. 1928 г.
Ц. 1 р. 25 к.
СПРАВОЧНИК ЛЕКАРСТВЕН-
НЫХ РАСТЕНИЙ И Т. Д.
Сбор. Сушка. Разведение. 136
стр. С атлас. в красках, на
73 табл. Сост. Комаров.
Ц. 2 р. 50 к.
ПОДАРОК ХОЗЯИНАМ
450 ПОДАРОК ПОВАРЕННАЯ
КНИГА, 1927 г.
Сост. по тов. Молоховцев.
Ц. 1 р. с пересыл. 1 р. 35 к.
КОНДИТЕР Р. У. Д.
Руководство к кондитер. кон-
фет, монпанше, шоколаду,
пряникам, торт. и др. 320 стр.
1928 г. Ц. 2 р. 50 к.
ОПЫТНЫЙ РЫБОЛОВ Ц. 1 р.
СПЫТ ОХОТНИКА магия. 313
стр. рис. Ц. 1 р. 50 к.
в пересыл. 1 р. 85 к.
ГИГИЕНА И ЕГО ТЕХНИКА
Учение о типичности и влияни-
ях. 194 стр. 1928 г. Сост.
Левенфельд, Ц. 2 р.
ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ — русский
будете, если приобретете
„Новый орфографический
словарь“, содержащий 100 000
слов сомнительных, в правопис-
ании. 1927 г., в пересыл. сост.
1927 г. Ц. 1 р. 50 к.
МАТЬ И ДИТЕ Настольная книга
для женщин. Сведения о ребен-
ке и о нем. Орфографический
С. 92 стр. 1927 г. Ц. 3 р. 50 к.
КАК ВОСПИТАТЬ крепкого
ребенка и как устроить хоро-
шие матери. „Книга матери“
проф. Сперанского. С рис.
и т. д. Ц. 1 р. 50 к.
САМ ОУЧЕБНОЕ 120
учителей. 1928 г. Сост. Бутке-
вич. Ц. 1 р. 50 к.
НЕОБХОДИМЫЙ ЗАРАБОТОК
Спутник практика. Более 5000
техно-химич. рецептов и про-
изводств. составов, 604 стр.,
в пересыл. Под редакц. проф.
Валицкого. Ц. 6 р. 40 к.
ЯКОБОВ. Описания у мужчин
женщины и его лечение.
1927 г. Ц. 1 р. 50 к. Его же: Во-
просы пола. 1 р. 50 к. **ОРЛОВ-**
СКИН. Полное руководство
у мужчин и его лечение. 1927 г.
Ц. 1 р. 35 к. **РОЙДТЕР**. Ри-
сунки и описания заболеваний по-
лового акта. 1928 г. Ц. 2 р. 50 к.
ГУБАРЕВ И СЕМИН
Противопоказания к пере-
содержанию (беременности) 264 стр. 1928 г.
1 р. 70 к. **ФРИДЛАНД**. За-
крытой двери. Записки
врача-генерала. 1928 г. Ц. 60 к.
КАК НАУЧИТЬСЯ СЧИТАТЬ
сложение, вычитание, умно-
жение, деление. 1928 г. Сост.
Кирюшкин. Ц. 1 р.
ПАЩЕНКО. Канарейка. 40к.
ДАЧНИК. Первые птицы.
Ц. 1 р.
а также любую книгу
высш. нолож. платежом.
Ц. 1 р. 50 к.
МАГАЗИН „Наука и Жизнь“
Москва, 19, Воздвиженка, 4/С.
На ответ и за книги можно
посылать марки. Мирная
существует с 1905 г.
ВЫБЕРИТЕ И СОХРАНИТЕ

6р. в год за ежем. журнал "Всем. Саломон" с прил. 24 №№ "Вокруг Света", 12 №№ "Всем. Турец" и 12 минюер-табл. "Народы СССР" и 12 минюер. За границу подписная плата выше на 50%. За перевод адреса — 20 коп.

Редакция и контора "Всемирного Следопыта" и "Вокруг Света": Москва, Ильинка, 15. Подписка на журнал "Всемирный Следопыт" (только со всеми приложениями, по Илли Пабои) принимается в конторе журнала (Москва, пл. Г. Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также письмомоими.

СОДЕРЖАНИЕ: Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Белыева (продолжение). — Шесть дней в лесах. Рассказ А. Лигневского. — Детская ледяная банка. Приключения советских авиаторов. Рассказ А. Гиллера. — На палату. К рисунку на обложке. — Кто больше знает? Игра (ответы четвертой серии). — По советской земле. — Всемирный календарь.

10р. в год журн. "Всем. Слеса" с 6 приложен. (сверх указан. списка) и 12 минюер. **полного объема сочин. Дм. Пидорова** (первая половина). РАСПРОСЧИТА: при подписке — 6 р., 15 минюер. — 2 р., 15 минюер. — 2 р.

ЧЕЛОВЕК — АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Белыева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТИ: В Бунзю-Айресе, недалеко от Булу-ногера, появлялся некоем существо, вызывая страх на рыбаков и искателей жемчуга. Никто не видел этого существа, но следили за ним: кто-то рвал рыбачьи сети, сбрасывал всю рыбу с лодок и т. п. Старые индейцы уверили, что это "морской дьявол". Однажды ночью на шхуне "Медуза", принадлежавшей испанцу Педро Зурита, выскочил индеец Балтазар услышав необычайные звуки. В другом месте рыбаки слышали наступив акулу. Но в тот же момент чудом спаслись с акулы лапани и серебристой чешуей убивает акулу.

У Зурита возникает мысль, что "дьявол", видимо, может жить над водой и под водой. Если бы удалось поймать "дьявола" и приспособить к ловле жемчуга, то можно нажить миллионы! Вскоре Зурита находит на след "дьявола". У залива находится усатый профессор Сальваторе, хирург, прославившийся своими операциями, но теперь живущий затворником. Зурита подсылает к Сальваторе индейца, брата Балтазара — старого индейца Кристо.

Сальваторе соглашается взять его в услужение. Кристо попадает в сад, населенный странными животными. Затем Кристо переходит во второй сад. Здесь он видит говорящих обезьян и детей индейцев, с хвостами и карманами в коже. Индейцы, нападая на него, убегают в третий сад, где Сальваторе знакомит его с Икхитандром (так зовут "дьявола"). Икхитандр может жить под водой на земле, но на воздухе ему трудно прожить долго. Кристо, рискуя чудеса города, угощает юношу отправиться в Бунзю-Айресе, где Зурита легко мог бы его захватить.

XIII. Неполная победа.

Зурита стоял у борта против фок-мачты. По сигналу штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Нападавшие не были вооружены, но за ними было численное превосходство. Однако одолеть Зурита оказалось не так-то легко. Неся на спине двух уцепившихся врагов, он вырвался из толпы и, отбегав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта, едва не переломив позвоночник насевшим на него матросам.

Со стоном выпустили они жертву из рук и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками новых врагов, нападавших на него. Он никогда не расставался с кольтом, однако, нападение было так неожиданно, что Зурита не имел времени вытянуть револьвер из кобуры. Он медленно отступал по направлению к фок-вантам ¹⁾ и вдруг

в Бунзю-Айресе в это время беспорядки: войско и полиция предаются всеобщей злободушию. Кристо спешит убраться с Икхитандром в лагерь своего брата Балтазара (торгующего жемчугом). Испанец Зурита давно влюблен в приемную дочь Балтазара, но Гуттир не соглашается на брак. По словам Балтазара, Зурита куда-то уехал... А Икхитандр здесь? — спрашивает брата Балтазара и засматривает в дверь, но вместо юноши видит Гуттир, который сообщает, что какой-то юноша, когда она вошла в лавку, убежал. Для Икхитандра началась двойная жизнь. Горло возмущала в нем ненависть своей дурной и жестокостью людской борьбы, но юноша состояла о девушке с голубыми глазами... Однажды Икхитандр встретил Гуттир на берегу с какими-то безвольными вензелями; противу нитку с жемчужным ожерельем, она говорила: "Возьми, Олсен". Но ожерелье выскользнуло из ее рук и упало в море. Икхитандр бросился в море и достал ожерелье. Между Икхитандром и Гуттир возникает дружба, переходящая в любовь.

Случайно юноша слышит, как Гуттир называет свидание Олсену. Икхитандр хочет объясниться с Гуттир. Но в этот момент к ней подъезжает Зурита и говорит, что невестам не следует гулять с посторонними. Икхитандр, задыхавшийся от долгого пребывания на воздухе, не в силах больше терпеть. Он бросается в море. Гуттир думает, что Икхитандр покончил с собой. Потеря Икхитандра, она соглашается на брак с Зурита, но с условием, что он даст ей в "нарядное" много жемчуга.

Огорченный Икхитандр не выходит из моря. Через несколько дней он замечает на дне недалеко от залива Олсену, что-то мигающее в море.

Икхитандр в под-подном костюме "дьявола" подплывает к Олсену, преследует его, и лодке Олсена происходит объяснение. Олсен — только друг Гуттир. Сочувствуя борьбе рабович,

она приносила Олсену жемчуг, чтобы выполнить обязательства. Олсен сообщает Икхитандру, что Зурита увез ее на ферму, к своей матери. Икхитандр решает разыскать Гуттир...

Неудавшееся от усадки Зурита Икхитандра арестовывает полицией, принимая юншу за агитатора, и надевает ему ручные кандалы, но Икхитандр бросается в озеро, и ему удается бежать. Вечером он перелезает через забор усадьбы. Его замечает мать Зурита и, думая, что это преступник, сообщает сыну. Зурита внезапно находит на Икхитандра, ударяет его лопатой и бросает тело в пруд. Утром Гуттир замечает следы крови в саду, подходит к пруду и в ужасе видит, что на дне воды смотрит окровавленный Икхитандр. Он поднимается и говорит с девушкой. Зурита подслушивает и узнает, что Икхитандр давно разыскиваемый "морской дьявол"...

Кристо, еще не зная об усадьбе Икхитандра, угощает брата и пользуется юношу поимку Зурита и рассказывает, что видел у Икхитандра родю ое питие, такое же, как у сына Балтазара, старшего Сальваторе двадцать лет назад. Ба-Икхитандр сообщает, что Зурита отправился с Икхитандром к берегам Папам, и встревоженные братья решают отыскать Сальваторе. Профессор с их помощью организует погоню на подводной лодке.

В это время Икхитандр, опускаясь в море на лодке, уже добыла для Зурита жемчуг и сокровища затонувшего корабля...

¹⁾ Фок-ванты — снасти, укрепляющие первую от носа мачту с боков.

Зурита закричал изо всей силы: «На помощь! Скорей! Убивают!».

с ловкостью обезьяны начал подниматься по вантам. Матрос ухватил его за ногу, но Зурита ударил его свободной ногой по голове, и оглушенный ударом матрос рухнул на палубу. Зурита поднялся до марса¹⁾ и уселся, отчаянно ругаясь. Здесь он мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Зурита вынул револьвер и крикнул: — Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размою голову!

Матросы шумели внизу, обсуждая план дальнейших действий.

— В капитанской каюте есть ружья, — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем туда, взломаем двери...

Часть матросов гурьбой направилась в люк.

«Пропал! — холодея, думал Зурита. — Подстрелят, как воробья на заборе...»

С тоскою оглядывал он море, ища какой-либо случайной помощи, и вдруг весь встрепенулся. К «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась небольшая подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду, — думал Зурита. — На мостике стоят люди... неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

И Зурита закричал изо всей силы, рискуя порвать голосовые связки:

— На помощь! Скорей! Убивают!..

На подводной лодке, очевидно, заметили его, так как лодка, не убавляя хода, продолжала плыть прямо на «Медузу».

А из люка шхуны уже показывались вооруженные матросы. Они рассыпались по палубе и в нерешительности остановились, увидав приближающуюся к «Медузе» подводную лодку, которая, без сомнения, принадлежала к военному флоту и должна была быть вооруженной. Убивать Зурита на глазах этих неспрошенных свидетелей было невозможно.

Зурита торжествовал. Но радость его была непродолжительна. Всмотревшись в людей, стоявших на мостике подводной лодки, он вдруг узнал Балтазара и Кристо. Высокий человек, с широким носом и глазами орла, стоявший с ними, громко крикнул:

— Дон Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра. Даю вам пять минут на выполнение моего требования. Если оно не будет выполнено, я пушу вашу шхуну ко дну!..

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на Кристо и Балтазара. — Но, в конце концов, лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову... А, может быть...» У Зурита уже созрел план действий.

— Я сейчас приведу его! — ответил Зурита, слезая по вантам.

Матросы так же оценили положение. Они быстро спустили шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Боясь ответственности, каждый забегал к собственному спасению.

Зурита сбегал по трапу²⁾ в каюту, с лихорадочной поспешностью вынул мешочек с жемчугом, положил его себе за пазуху, взял ремни и платок, открыл каюту, в которой помещалась Гуттиэрэ, схватил ее и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдите его в каюте, — сказал Зурита, не выпуская из рук Гуттиэрэ. Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил на воду и прыгнул сам.

Но Гуттиэрэ уже видела Балтазара:

— Отец! Я не хочу оставаться с Зурита! Ихтиандр находится... — Но она не смогла договорить. Зурита завязал ей рот платком и, повалив на дно шлюпки, связал ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальвадор, видя это насилие.

Отмель не давала возможности гнаться за шлюпкой на подводной лодке.

— Эта женщина — моя жена, и никто не в праве требовать ее от меня! — ответил Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не в праве так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальвадор. — Остановитесь, или я буду стрелять!

Но Зурита продолжал грести. Сальвадор выстрелил из револьвера. Пуля ударила его о борт шлюпки.

Зурита поднял Гуттиэрэ и, защищая ее телом, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэрэ билась в его руках.

Сальвадор опустил револьвер и проворчал:

— Исключительный мерзавец!

Балтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплыть догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он принадлежал на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэрэ и исчез в густых зарослях кустарника...

Видя, что Зурита не догнать, Балтазар попыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу.

В волнении спустился он по трапу и начал искать Ихтиандра. Балтазар обошел все судно, вилот до трюма. Но шхуна была пуста.

Разочарованный, поднялся он на палубу и крикнул Сальватору:

— Ихтиандра нет на шхуне!

— Но он жив, и должен быть где-то здесь. Гуттиэрэ сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы знали бы, где его искать, — сказал Кристо.

— Быть может, он уехал на шлюпке ловить жемчуг? — высказал предположение Сальвадор.

Балтазар пересчитал шлюпки, брошенные на берегу и оставшиеся на борту шхуны.

— Лодки все, — со вздохом сказал он.

Кристо осмотрел поверхность моря и увидел, что из воды торчат верхушки мачт.

— А не находится ли Ихтиандр в этом затонувшем корабле? Быть может, Зурита польстился на затонувшие сокровища и отправил туда Ихтиандра? — сказал он.

Балтазар поднял цепь, лежавшую на палубе, с обручем на конце:

— Зурита опускал Ихтиандра в море на цепи. Это — несомненно. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться в потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальвадор. — Мы победили Зурита, но наша победа неполная. Осмотрим берег, а потом вернемся сюда...

XIV. Нежданная свобода.

Преследователи Зурита не знали о событиях, происшедших на «Медузе» в это утро.

Матросы всю ночь шептались по углам, и к утру ими было принято решение: при первом удобном случае напасть на Зурита, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов³⁾ в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане.

— Странно! — сказал он и взглянул в бинокль. Сомнения не было. Со дна океана торчали мачты затонувшего корабля.

¹⁾ Марс — площадка на мачте для управления парусами.

²⁾ Трап — лестница, ведущая во внутренние помещения корабля.

³⁾ Узел — морская мера длины, равная морской миле (1852 м).

Вскоре Зурита заметил плававший на поверхности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг был поднят, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

— «Мафальду» потонул! — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. Что если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длина цепи? Конечно, нет... Если же отпустить Ихтиандра без цепи, он не вернется... Зурита задумался. Жадность и опасения потерять Ихтиандра боролись в нем.

«Медуза» медленно приближалась к торчащим из воды мачтам.

Зурита поднял Гуттиэрэ, защищаясь ее телом от выстрелов...

Матросы столпились у борта. Ветру тих совершенно, паруса повисли, «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду», — сказал один из матросов. — Большой пароход. Хороший. Целый город. А пассажиры все такие гажные американцы...

— Полные чемоданы денег?

— Уж намерно!

Мысль Зурита усиленно работала: «Такой прекрасный пароход, разумеется, скоро будет поднят. Надо спешить, пока не начались работы по подъему судна».

Зурита приказал бросить якорь. Затем он сошел в каюту, что-то написал и с листком бумаги прошел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэрэ прислала тебе записку.

Ихтиандр взял записку и прочитал: «Ихтиандр! выполни мою просьбу. Рядом с «Медузой» находится потонувший пароход. Опустись в море и принеси с этого корабля

все, что найдешь ценного. Зурита отпустил тебя без цепи, но ты должен вернуться на «Медузу». Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэрэ».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэрэ и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зурита?

— Почему Гуттиэрэ сама не скажет мне этого? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

«Зачем Гуттиэрэ ценности? — продолжал думать Ихтиандр. — Быть может, она хочет отдать их через Ольсена тем бедным людям? У Гуттиэрэ золотое сердце» — вспомнил Ихтиандр слова Ольсена. — Да, это возможно. Гуттиэрэ хочет помочь голодным».

— Я согласен, — сказал Ихтиандр. Зурита вздохнул с облегчением. «Этот мальчик не обманет», — подумал Педро.

— Тогда идем скорей!

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы сразу поняли, что Ихтиандр отправился за потонувшими сокровищами. Это еще больше разожгло их жажду. Они переглянулись, и каждый прочитал в глазах другого: «Попра!»

...В то время как на поверхности моря люди боролись за обладание

Ихтиандром, сам он исследовал затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и выплыл в обширный коридор. Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь двери...

Ихтиандр вошел в одну из раскрытых дверей. Большие круглые иллюминаторы освещали огромный салон, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную бронзовую люстру и посмотрел вокруг.

Странное зрелище было перед ним. В зеленом сумраке, как те-

ни, мелькали рыбы, проникшие сюда через разбитые стекла иллюминаторов. Деревянные стулья и столы, не прикрепленные к полу, всплывали вверх и колыхались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Персидские ковры устилали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева покорибась. У одной стены поднимались листья пальм. Они еще не перегнули и держались на створах. Ихтиандр оставил люстру и поплыл к пальмам. Вдруг он с изумлением остановился. Навстречу ему плыл человек, повторяя его движения. «Зеркало!» — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутренность салона. Здесь нечего было искать сокровищ, и Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и выплыл в такую же роскошную и огромную, как салон, каюту, где был, очевидно, ресторан. На столе еще стояла дорогая сервировка, часть

посуды валялась на полу... Он посетил еще несколько кают, обставленных по последнему слову американского комфорта.

Ихтиандр осмотрел уже значительную часть корабля, но еще не встретил ни одного трупа. Только на третьей палубе, в одной из кают, он увидел распухшее тело мужчины в жилете, колыхавшееся под потолком. «Очевидно, пароход тонул медленно, и пассажиры были спасены на шлюпках», — подумал Ихтиандр.

Однако, когда он опустился еще ниже, — в каюты, где помещались пассажиры третьего класса, юноша увидел ужасную картину. Многие каюты были наполнены телами утопленников — мужчин, женщин и детей. Здесь были представители всех рас — белые, китайцы, негры, индейцы...

Команда парохода в первую очередь, очевидно, стремилась спасти «верхушку» — богатых пассажиров первого класса, бросив бедноту на произвол судьбы. В некоторые каюты нельзя было войти, так как в дверях валялись груды трупов. В панике люди давили друг друга, забывали выход своими телами, отрезая себе последний путь спасения...

Длинный коридор был наполнен колыхавшимися трупами. Иллюминаторы кое-где были открыты или разбиты, получился водной «сквозняк», который и прозводил это движение. Трупы ритмически колыхались — одни на полу, другие под потолком. Процесс разложения уравновесил некоторые тела, и они стояли, — одни вверх, но большинство вниз головой, перевернутые вздувшимся животом, — кивали головами и медленно двигали руками, как бы призывая Ихтиандра оказать им последнюю услугу...

Ихтиандра охватило чувство безразличности и ужаса. Он поспешил уплыть из этого подводного кладбища. Юношей вновь овладели сомнения...

Гуттиэрэ знала, куда посылают его. Неужели она могла потребовать от него, чтобы он выворачивал карманы утопленников и вскрывал чемоданы? — Нет, этого она не могла сделать! Ихтиандр опять попал в ловушку Зурита. «Я выплыву на поверхность», — решил Ихтиандр, — и потребую, чтобы Гуттиэрэ вышла на палубу и сама мне подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность.

— Зурита! — закричал он. — Гуттиэрэ!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все пропали? — подумал юноша. — Может быть, это тоже ловушка?»

Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэрэ! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал он голос Зурита, раздавшийся с берега. Ихтиандр оглянулся и увидел Зурита, выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэрэ заболела, и я должен отправить ее к врачу... Она хочет тебя видеть. Плыви сюда, Ихтиандр, — продолжал Зурита.

«Гуттиэрэ больна! И я сейчас увижу ее!..» Ихтиандр бросился в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэрэ:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернул назад и бросился в воду. Зурита зарычал, как зверь, упустивший добычу, но юноша уже нырнул и плыл под водой.

Только отплыв далеко от берега, он поднялся на поверхность и обернулся. Ему показалось, что в зелени кустов мелькнул белый платок. Быть может, Гуттиэрэ приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море.

Вдали он увидел небольшое судно, напоминавшее собою подводную лодку, когда она плывет над водой. Лодка, окруженная пеной, направилась к «Медузе», взрывая воду острыми носом...

«Подальше от этих людей!» — подумал Ихтиандр, глубоко нырнул и поплыл под воду...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Подводный враг.

Аргентина вступила в полосу волнений. Революционное движение, поднятое рабочими Буэнос-Айреса, было поддержано сельскохозяйственными рабочими и фермерами.

Несмотря на то, что сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры-индейцы были плохо вооружены, правительственным войскам не легко было справиться с ними, так как повстанцев связывали не только общие экономические интересы, но и общая вражда индейцев к их работодателям-испанцам.

В этой неравной борьбе индейские племена пускали в ход военные хитрости и первобытную технику своих краснокожих предков. Радиотелеграфу врагов индейцы противопоставили свой древний «телеграф без проводов»: довольно было высадить с карательному отряду на берегу реки Параны или Уругвая, как индейцы ближайшего селения начинали бить в особый барабан «там-там», сделанный из выдолбленного ствола огромного дерева. Условный сигнал передавался дальше таким же путем, и через несколько минут все округа была готова ко встрече врага. При помощи этого первобытного «радиотелеграфа» индейцы могли передавать не только сигналы, но и вести довольно сложные переговоры.

Два индейца, встретившиеся на базаре в городе, со скучающим видом постукивали палочками по своим повозкам, а стоявшие вблизи полицейские долго не подозревали того, что это невинное занятие является условным языком.

Осведомленность индейцев о действиях полиции и войск удивляла даже опытных шпионов. Небольшие моторные суда, перевозившие вооруженные отряды полиции и войск, темной ночью подплывали к какой-нибудь ферме. Отправка карательной экспедиции была обставлена строжайшей тайной. Кроме начальника отряда, никто не знал даже места предстоящей высадки. Ни один человек не отходил от причаливших в ночной тишине лодок. И тем не менее, кто-то успевал сообщать ближайшему сторожевому посту индейцев о прибытии врага. И ночная тишина вдруг нарушалась тревожными ударами «там-тама»...

Чья-то неведомая рука затрундяла и передвигала карательных судов. Все чаще начинали повторяться случаи остановки судов в пути: в винт моторной лодки попадали обрывки каната, куски дерева, рыбачьи сети. Несколько винтов оказались даже сломавшими застрявшими в них камнями, хотя морские лодки плыли по глубокому месту реки...

Чем чаще повторялись эти случаи, тем более становилось очевидным, что здесь имеет место не случайные аварии, а чей-то злой умысел. Но чей? Самый лучший пловец не в состоянии был незаметно подкрасться к проходящим моторным лодкам и на полном их ходу испортить винт. Кто же мог совершать эти необычайные по своей смелости и дерзости поступки?

Молва приписывала их «морскому дьяволу». Полиция долго не верила

этим «басням», однако вскоре пришлось убедиться в том, что «дьявол», действительно, помогает индейцам...

Однажды на утренней заре матрос моторной лодки, заметив, что руль не работает, подошел к борту, заглянул в воду и увидел, что за руль держится человек с большими вы-

не думал о том, что «морской дьявол» — неведомое морское чудовище, а тем более, сверхъестественное существо. «Дьявол», принимавший участие в борьбе рабочих и фермеров с правительством и землевладельцами, мог быть только человеком, но все же человеком необычайным, который мог жить под водой.

Ученым задана новая задача. Газеты пестрели статьями с заго-

«Но что, если таких «водолазов» окажется несколько? — задавали вопрос газеты. — Если эти «водолазы» начнут разрушительную революционную работу, они легко смогут взорвать и пустить ко дну не только полицейские лодки, но и весь военный флот. Необходимо этому положить конец, приняв решительные меры к поимке опасного подводного бандита».

И эти меры были приняты. За поимку «водолаза» была обещана большая награда. Десятки полицейских и рыбацких судов бороздили Парану и Уругвай, имея на борту вооруженных ружьями, острогами и сетями соискателей приза.

Но враг как будто издевался над своими преследователями. Оставаясь неуловимым, он по-прежнему портил винты, спутывая якорные цепи, угонял лодки, оставленные без охраны, и доносил индейцам о прибытии карательных судов.

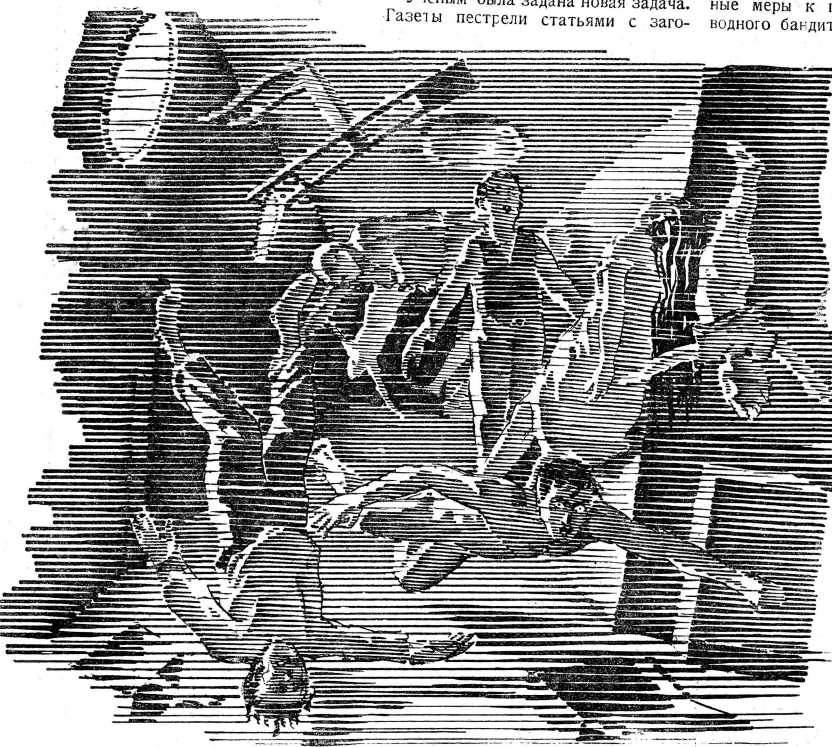
Эта игра продолжалась бы еще долго, если бы события не приняли для Ихтиандра и Сальватора неожиданного оборота...

II. «Проклятые испанцы».

Бальтазар, ернувшись из неудачного путешествия на подводной лодке, находился в самом мрачном настроении. Он не читал газет, не знал, что делается в городе, о чем говорят люди. Старый индеец весь ушел в свое горе. Ихтиандр не найден, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэром.

— Проклятые испанцы! — ворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они согнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и покупают наших дочерей... Они хотят истребить нас всех, до последнего...

— Здравствуй, брати! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новости!

Длинный коридор был наполнен колымажками в воде трупами... Ихтиандра охватило чувство безразличия...

пуклыми глазами. Рулевой схватил винтовку и выстрелил в неизвестного. Человек под водой отпустил руль и скрылся в глубине. Была поднята тревога. Целая флотилия лодок рассеялась по реке; неизвестный злоумышленник долго не показывался на поверхности. Всякий человек утонул бы за это время. Но злоумышленник, очевидно, не утонул, так как вскоре еще две лодки были выведены им из строя.

«Морской дьявол» вновь заставил заговорить о себе.

Правда, теперь уже никто, кроме самых невежественных индейцев,

ловками: «Может ли жить человек под водой?», «Человек-амфибия», «Когда же мы узнаем тайну морского дьявола?»

На этот раз мнения ученых были единогласны: человек, конечно, не может жить под водой, потому что не может в воде дышать. И если, тем не менее, неизвестный человек, которого так долго называли «морским дьяволом», способен продолжать жить под водой, то он, очевидно, снабжен каким-нибудь аппаратом со сжатым воздухом. Это — водолаз без водолазного колпака.

Большая новость: Иктиандр нашелся!

— Что?!. — Бальтазар быстро поднялся и, задыхаясь, схватил Кристо за руку. — Говори скорее!

— Скажу, только ты не перебивай, а то я забуду, что надо сказать. Нашелся Иктиандр. Я верно сказал: он был в потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а Иктиандр выплыл и поплыл домой...

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора. Но только он мало бывает дома. Иктиандр сказал мне по секрету, что он разыскал какого-то Ольсена, который «руководит восстанием», — так и сказал, — восстанием рабочих и бедных индейцев-фермеров, а Иктиандр теперь помогает Ольсену. Каково? А? Говорят, об этом и в газетах пишут. Знаешь, брат, я, признаюсь, сомневался, что Иктиандр твой сын. А теперь и сам верю. Иктиандр наш. В нем наша кровь. Он с нами и за нас. Я очень полюбил его!..

На этот раз Кристо не лгал. Начав с предательства, он незаметно для себя приязнелся к Иктиандру и полюбил его.

Из всего, что говорил Кристо, Бальтазар услышал и понял только одно: Иктиандр найден. Старый индеец весь трясся от волнения:

— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына...

Кристо с сомнением покачал головой:

— Не отдаст... Сальватор хочет запереть Иктиандра, не пускать его плавать в море. Это уж я потихоньку отпускаю его...

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же!

Кристо испуганно замахал руками:

— Подожди хоть до завтра. Я едва отпросился у Сальватора навестить свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза — как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сейчас я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына...

Всю ночь Бальтазар провисел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Восточный ветер налетал шквалами, срывал пену с верхушек волн и разбрасывал ее по прибрежному утесам. Прибой грохотал камнями и шумел песком. Луна, ныряя в быстро несущиеся по небу облаках, то освещала переливчатые изгибы волн, то скрывалась. Эта смена света и теней еще больше затрудняла возможность увидеть

что-нибудь среди пенящегося океана.

...Рассвет застал Бальтазара сидящим в той же неподвижной позе на прибрежном утесе. Из темного океана сделался серым, но он был так же пустынен и безлюден...

Вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, казавшийся на волнах предмет... Человек! Быть может, утопленник? Он лежит на спине, руки заложены за голову... Неужели он?

Бальтазар не ошибся. То был Иктиандр. Этой ночью он наделал много неприятностей своим врагам и теперь, вернувшись в залив, решил отдохнуть, качаясь на волнах, как любил это делать в детстве.

Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, закричал:

— Иктиандр! Сын мой!.. — и, протянув руки, старик бросился в бушующее море. При падении он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности уже никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар попытался нырнуть еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и с глухим ворчаньем откатилась...

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул:

— Неужели мне почудилось?..

Когда ветер и взшедшее солнце высушили одежду Бальтазара, он отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и постучал.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый «волчок».

— К доктору я, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил тот же голос, и окошечко закрылось.

Бальтазар начал стучать, браниться, но никто не открывал ему дверей. За стеной послышался только угрожающий лай собак.

— Проклятый испанец! — выбранился Бальтазар и отправился в город.

Грязный, оборванный «ходатай по делам» написал Бальтазару в публичной ¹⁾ прошение, которое Бальтазар отнес прокурору. В прошении содержалась жалоба на доктора Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара — Иктиандра.

Выходя от прокурора, Бальтазар неожиданно встретился на большой белой лестнице с Зурита.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, окидывая индейца подозрительным взглядом, — уж не на меня ли жаловаться?

— На всех вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где моя дочь?

— Карамбо! Как ты смеешь обращаться так к испанскому дворянину! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя наудачу...

И Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

— Карамбо! — подражая Зурита, проворчал Бальтазар, и тихо, по-индейски, — потому что он находился в присутственном месте, — еще раз проклял испанцев...

¹⁾ Трактир.

(Продолжение в след. №)

ШЕСТЬ ДНЕЙ В ЛЕСАХ

Заключения лесного робинзона

Рассказ А. Линевского

Утенки, вылупившийся из яйца, переживает множество ощущений при первом знакомстве с миром. Таким же утенком случилось быть мне, когда в девятнадцатом году я, продукт столицы, превратился в лесного техника Северо-Двинского лесоустройства. Летом я получил возможность осуществить свою мечту — пожить жизнью робинзона в лесу. Захватил с собой спички, складной нож, записную книжку с карандашом, а провизии умышленно взял лишь на один день — на время, необходимое для ориентировки. Кроме этого, как-то случайно в карманах оказалось два носовых платка.

Жил я в починке ¹⁾ Лоббож, в двадцати верстах от села Летки, которое находится в шестидесяти верстах от станции «Мураши» Котласской железной дороги. Хозяевам сказал, что буду в селе, а сам ушел в угол, образуемый рекой Леткой и ее притоком. В таком треугольнике не заблудишься.

Я хотел испытать жизнь первобытного человека. Вот почему не были взяты котелок и прочие принадлежности охотничьей жизни.

В моей записной книжке на первой странице записано:

¹⁾ Починок — выселки, хутор перепоселенцев.

«...Солнце. Тепло. Аромат леса. Полная свобода. Как, должно быть, хороша была жизнь моих доисторических предков!..»

Весь день я прожил в шалом, опьяненном состоянии. Читая теперь, невольно усмехаешься болтовне восторженного утенка. Помню, я даже не заметил, как подкасался вечер и наступила светлая северная ночь. Я грыз (сухари и мечтал, мечтал. Да же поставил себе целью—в будущем зажить в избушке пустынником...

Когда стемнело, неожиданно возник вопрос: на чем же спать? Лег на землю, корень ели послужил вместо подушки. Было немножко неудобно, затем холодно... и очень комарно. Здесь пригодились платки, связанные друг с другом: один пошел за -подушку, другой кое-как укрыл лицо и голову от комаров, но те все-таки лезли во все отверстия, а иные просто прокалывали платок своим жалом. Уснуть не пришлось. Холодно, твердо и нестерпимо от комаров...

Каракулями, из-за темноты, в книжке записано: «...Ночь провожу счень плохо. Чересчур изнежен городскими привычками...»

Солнце уже вставало, когда усталость взяла свое, и я уснул. Проснулся далеко за полдень от невыносимой боли—какой-то из ранних выводов приняла мою шею, повидимому, за лошадиную и здорово разрезал кожу. Я вскочил, провел ладонью по шее, и рука сделалась липкой от крови и раздавленных комаров. Болела шея нестерпимо. К тому же, все тело стало ныть, ибо муравьи наполнили и основательно меня покусали.

Первой мыслью было: как бы дойти скорее до починка... Но неужели я так бесславно закончу свою робинзониду! Я остался.

Хотелось есть. Продовольствия осталось—лишь два сухаря. Крепкие зубы быстро справились с ними. Тело попрехнему ныло. Кинулся в речку, и в весенней, еще холодной воде сделалось приятно, но когда вышел из воды, тело стало гореть, и укусы сделались еще чувствительнее.

Попрежнему голод давал себя знать. Я вспоминал, как выслеживаю «линяков» (селезней, потерявших после брачной поры основное оперение, а потому не могущих летать). Знал также, где, в каком участке находятся такие места. Ориентировался по карте, компасу, солнцу и направлению реки. Вскоре дошел до цепи маленьких озерков. В руке—несколько палок (в починке мирно висела моя берданка).

Сразу же нашел небольшую стаю из четырех-пяти несчастных линяков. Те тотчас же нырнули. Пришлось спрятаться за куст. Но они отплыли к противоположному концу озера. Ждать пришлось долго. Со злостью и ненавистью смотрел на их melancholicное плавание. Есть хотелось ужасно, к тому же жалили комары, а двигаться я не смел, чтобы не повредить своему промыслу. Тело ныло от укусов.

В книжку попала запись: «...Как бессмысленно много должно было пропадать времени у первобытного человека!» И тут же крик наиболее болезненного сердца: «Ждешь их, ждешь, а проклятые линяки не плывут навстречу!»

Терпение, тем не менее, увенчалось успехом. Селезни все же подплыли, и ударом палки один из них был опрокинут мною на спину. В записную книжку тотчас же вскопило торжествующее поучение:

«...Терпение и труд все перетрут!»

Но возник вопрос: как же достать селезня? Плыть по озеру было жутко, так как под влиянием зыря я создал особую «теорию», что вода может засосать человека под растительный покров, широко окружавший берега. Пришлось бросать палки таким образом, чтобы всколыхнувшаяся вода двигала мертвого селезня в мою сторону. При удачном бросании так и случалось, но иногда птица, наоборот, отодвигалась от

меня. Не знаю, сколько времени ушло на то, чтобы достать этого селезня; голова была занята одним: как бы поскорее завладеть добычей!

Надо было убитого линяка как-то жарить... Но на огне он попросту бы сгорел. Я решил его коптить. Вышло что-то до невероятной степени неуклюжее. Мясо линяка, вообще очень плохое на вкус, пахло дымом, было чрезвычайно горькое, к тому же не было соли; и я совсем не насытился. Это наблюдение я поспешил занести в дневник: «...Сколько же приходилось первобытному человеку тратить времени на то, чтобы добыть пять подобных селезней!» (Количество птиц определялось моим аппетитом в ту минуту). Впрочем, я тотчас же внес поправку на степень умения и навыка первобытного человека от ежедневного промысла.

Когда я закончил свое «пишество», оказалось, что день уже прошел. Перспектива горемыканья новой ночи привела меня в ужас. Я быстро натаскал пушистого зеленого мха и зарылся в него с головой. Спал я превосходно, было мягко, тепло и без комаров.

Утром хлюпнул ливень, вымочил меня и страницы моей книжки. Пришлось бежать под большую ель и поминутно высовывать голову: скоро ли конец дождю?

Вскоре дождь прошел, и солнце обсушило меня. Есть хотелось до тошноты!

Пока я обсыхал под елью, я думал не о красоте природы, а... об еде. Вспомнил мне, что в Австралии скигают муравьиные кучи, а яйца едят. Австралиец—родной брат нашему первобытному человеку. Отсюда мой вы-

Селезни отплыли к противоположному концу озера...

Я решил проколотить убитого селезня...

вод: я должен попробовать и этот вид питания.

Как раз вблизи ели была громадная муравьиная куча. Я наломал сухих веток, старательно обмал их свежей сочащейся серой и после большой хлопоты зажег со всех сторон муравьиную кучу.

Вначале было интересно смотреть на маленькие перебегающие огоньки; потом стал валить дым, и как-то сразу весь муравейник охватило пламя аршина в два высотой. Я тут же пришел в восторг от «стихий, которая сильнее всего и...»

Но тут стала шипеть и трещать ветка большой ели, а соседняя елочка начала свистеть и вдруг вспыхнула вся от основания до верхушки...

Тут ледяным колом врезалась мысль: «Я, техник лесоустройства, натворил лесной пожар!»

А ветвь ели попережнему трещала... Заливать муравьиную кучу. Но чем? За версту бежать за водой и нести ее в своей кепке? Глаза метались, но всюду лес, мох, валежник. Между тем затрещала уже и другая ветвь. Загорится двухсотлетняя ель—лесной пожар неминуем.

Кошкой карабкаюсь на ель, ползаю между сучьями, лезу по проклятой шипящей ветке. Дым душил, выедал глаза, но я все же лезу вдоль ветки. Лучше уж погибнуть от этого огня самому, чем до-

пустить лесной пожар. Мои волосы нагреваются... Ветвь обламывается вместе со мной... Боли и ушибов не чувствую.

Полуслепой от копоти, я снова карабкаюсь на дерево, на следующую ветвь, но она качается, гнется, но не ломается. Пригибаю ее ближе к стволу. Если бы под рукой был топор! Но его нет, есть складной нож. Однако острая сталь ножа и мои усилия сделали свое дело—в минуту образовался надрез до середины ветви, и та сломалась подо мной...

Когда я свалился во второй раз, огонь уже бушевал над муравейником. К счастью, кругом был лишь лиственный молодняк, а огонь не подходил непосредственно к другим ветвям старой ели. Длинной палкой старался я передвинуть горящую массу в другую сторону, подальше от ели.

Через полчаса куча догорела. О каких-либо муравьиных яйцах не было и помину. Только одно черное пятно дымилось, и тихо тлел старый пенек, у которого еще утром стоял муравейник...

Костюм мой пострадал основательно: одно колено брюк было жестоко подпалено, кожа носка сапога треснула, про ссадины кожи и ушибы тела и говорить уж не приходится. Однако радость, что я не устроил пожара, заслоняла все эти неприятности.

Чувства голода—как не бывало, ибо голова была занята ликвидированием пожара: проклятый пенек все тлел и тлел, воды же под руками не было.

На всю эту историю ушло часов пять времени...

Голод снова дал знать о себе. Но что же есть? Мучительно хотелось хлеба. Итти же в починок в таком печальном виде было стыдно. Отправился опять на вчерашние озерка. Обнаружилось, что и нога с опаленной стороны болит. Повидимому, в одно из моих падений сверху я упал прямо в муравейник, но тогда не заметил этого.

Добер до озерков. Пошел вдоль берега и вдруг увидел кочку, защищенную со стороны озера и двух других сторон тростником, а на коч-

ке—сидящую утку... Гнездо—яйца! Несчастная мать с криком слетела, я разбил одно яйцо—оно уже полуутенок. Есть не позволяло отвращение к уроду. Как поймать мать? А та мечется взад и вперед около меня. Много же я затратил энергии, обдумывая, как ее заполучить. Утка—это не линяя,—он-то летать не может, а она носится, вероятно, так же, как я метался у горящего муравейника. Помог неожиданно случай. Когда она пролетала на поларшин от меня, я инстинктивно успел ударить ее палкой.

Эту утку я уже не коптил, как вчера селезня. Я вынул внутренности, набрал замеченной в первый день глины, и вскоре вместо утки получилась глиняная дьяна. Развел костер, а затем жарил ее в горячем пелле с углями. Утка вышла гораздо вкуснее селезня. По этому случаю в дневнике записано довольно много, а в частности одна фраза, которую, случается, я до сих пор повторяю: «Было плохо, значит, будет лучше».

Солнце стояло еще высоко, когда я, пообедав, стал подумывать о ночлеге. Складной нож—слабое «орудие» в северном лесу. Я решил устроить крышу в один скат. Приделал к двум нижним ветвям поперечную палку, наложил на нее под косым углом ряд молодых елок и ветвей старой ели. От своего навеса я был в восторге, считая себя изобретателем. Позднее гришлюк мне в Мезенском крае весь декабрь и январь спать с рабочими в лесу под открытым небом—и тогда-то я убедился, что до моего изобретения зыряне-охотники додумались давно. В свой шалаш я натаскал много мха, устроил подушку и матрац, и пласт мха даже послужил мне в качестве одеяла.

Солнце стояло еще на небе, когда я попытался еще раз «стрельнуть счастье» на озерках. Запись в дневнике по этому случаю говорит о целой трагедии: «...Сколько ни ходил, ничего выходить мне не удалось, и я вернулся назад голодным. Да к тому же на меня навалилась новая беда—заблудился и не мог найти полянки с шалашом. Чувствовал себя самым несчастным в мире и чуть не заревел, а когда нашел, очень обрадовался...»

В тот вечер я уснул все-таки счастливым, имея в виду благополучную ликвидацию пожара, удачу с уткой и устроивший шалаш.

Теперь я вижу, что тогда прогрессировал в своей «лесной культуре».

Спал я очень хорошо. Утром, проснувшись, увидел, что ночью шел дождь, но его на этот раз я не почувствовал. Вероятно, вследствие двух дождей и теплых дней комаров стало значительно больше. Кожа от постоянных укусов сделалась еще более раздраженной.

Хорошо бы гвоздичного масла или дегтя! Мне было известно, что зыряне надевают на голову тряпки, пропитанные дегтем, запаха которого комары не переносят. Но гвоздичного масла у меня не было, а дегтя я гнать не умел. Чем бы его заменить? Я вспомнил, что, когда в первый день своей робинзоны метался, ошалелый от радости, между прочим, я сшиб палкой верхушку муравейника. Тотчас же кругом собрались крупные красные муравьи, и из их брошка забила струйка жидкость с чрезвычайно резким запахом, нестерпимо жгущая кожу. Не может ли это заменить гвоздичного масла и дегтя?

Найти муравейник было нетрудно. Я привязал двумя концами платок к палке, разрыв верхушку муравейника другой палкой, подставил платок, и на него полетели со всех сторон золотистые на солнце брызги «муравьиного спирта»...

Так как этот запах был очень едок для носа и глаз, то я, не пожалев кепки, из гибких прутьев березы сделал как бы два рога и к ним привязал платок. Комары совершенно оставили меня в покое.

Об этом способе борьбы с комарами я нигде не слышал и не читал. До сих пор считаю это своим открытием. Обращаю на него внимание читателей «Вокруг Света», но предупреждаю, что платок вскоре приходит в полную негодность...

Итак, на четвертый день я сделал серьезное практическое открытие. Однако тогда я не очень долго думал о нем. Голод крутил желудок до боли.

Время для жизни в лесу было самое неудачное: ни ягод, ни грибов, а вся дичь расплылась по гнездам, и без собаки ее не найти. На линиях же едва ли смогу прожить. Кроме того, ловить их уже мне надоело. Неожиданно мелькнула в голове мысль: «А рыба, которую теперь можно легко поймать?» Тут же вспомнил, что в одном месте речка сжата двумя большими камнями. Нарезал ивовых прутьев и, вспомнив, как зимой плел верши мой хозяин, стал мастерить нечто подобное, только, конечно, поменьше размером. В течение четырех часов я приготовил две верши. Притащил

верши к речке и стал обдумывать, как их прикрепить, чтобы течение не унесло. Явился мысль поставить одну вершу по течению, другую — против него. Не знал, идет ли рыба против течения или по течению... Наконец, решил: наверху плавает преимущественно мелкая рыба, внизу крупная, потому что мелкой, должно быть, легче плыть по течению, а крупная рыба внизу может итти и против течения.

Пошел пока что на озерка. Но там не увидел ни одного селезня. Уток также не было. Был так голоден, что, казалось, съел бы крота или мышь. Вернулся к речке, вынул свои верши. Они были пусты. Снова опустил их и печально побрел к шалашу.

Еще раз пропитал платок муравьиным спиртом, повесил его над головой и тотчас же уснул.

Судя по дневнику, мне снилось главным образом парное молоко с черным хлебом...

В неистовой радости я носился вдоль берега, пока не упал...

Проснулся довольно поздно. Было часов девять утра. Встал с противным головокружением и со странной пустотой в руках и ногах. Сразу же отправился к вершам. Шел и думал: «Неужели же мне придется уйти из лесу?» Но в вершах я увидел фунтов пять рыбы.

Помню неистовую радость. Помню, как я носился вдоль берега, раскидывая по воздуху руками и ногами, пока не упал и не потерял на некоторое время сознания.

Затем, опустив верши в воду, побегал к своей стоянке. Когда я опустился на мох, под навес, меня ужаснула мысль: «А в чем же мне

варить рыбу?— Не в чем!» Оставалось ее только печь. Я опять набрал глинки, намял ее и сделал глиняный пирог с рыбьей начинкой. Пек так же, как и вчера, в углях.

Вышло очень вкусно, но чего-то все же не хватало. Думаю, что не было соли. В дневнике стоит, в числе многих, торжествующая фраза: «...Я имею моральное право жить в лесу — я умею прокормить себя... Как прекрасен лес и жизнь в нем!..»

Любопытно, что подобные фразы восторженного удовлетворения природой попадают только в первый день в дневнике. Все остальные дни оказались настолько наполненными о «насыщенном хлебе», что далеко отодвинули от меня ликующую радость лесной жизни.

Мое счастье не поддавалось определению: ведь я освободил себя от гнетущей заботы о пропитании!

Бодрый и возбужденный плотным обе-

дом, я обежал «свой» треугольник леса. Я заметил в себе странное чувство правильной ориентировки в лесу. Участок был довольно велик, примерно от двух до четырех верст. Кроме первого дня, все остальные дни я был подавлен «борьбой за существование». Тем не менее, теперь, на пятый день, я из любого конца этого треугольника безошибочно попадал на место своей стоянки. Идешь и сам не замечаешь, как поворачиваешь то в одну, то в другую сторону, и неизменно выходишь на «свою» лужайку. В последующие годы я отметил эту способность как наиболее ха-

рактрную для старых промышленников, безошибочно находящихся место в лесу, хотя бы они побывали там лет двадцать назад...

К вечеру в верши попало рыбы снова фунтов пять. Хотя я изжарил всю рыбу, но, конечно, всего не съел, часть оставил на утро.

Ночь спал без просну. На радостях забыл переменить платок с «муравьиными духами», и утром какой-то смельчак пребольно укусил меня в лоб. Я вскочил. Чувствовал себя прекрасно, радостно и бодро.

Взял холодную рыбу, немного пожевал, но много есть не мог, она казалась без соли какой-то травой. Уверенно шел в свое рыбное хозяйство. Знал, что рыба должна попасться в верши. Набралось фунтов семь-восемь. Я отобрал крупную рыбу, а мелочь выкинул назад в речку. Между тем, день назад как был бы я рад съесть хотя бы две маленьких рыбки!

Сознание этой перемены очень тешило меня; мне казалось, что я не завишу теперь ни от каких обстоятельств: «...Иду в лес и буду жить, как лесной зверь. Только надо будет запастись солью».

Когда испек рыбу, вспомнил, что ряд первобытных народов едят пищу с золой вместо соли. Сделал то же и я, но это оказалось не по моему вкусу.

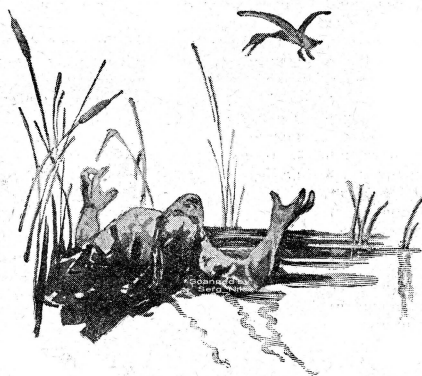
Этот день для меня чуть не оказался роковым. Лениво пожевывая пресную рыбу, я пошел на озерка, чтобы вспомнить те недавние дни, когда я, мучимый голодом, промышленлял утками.

Подожел к озеркам и, сам не замечая, машинально двинулся по мху, который покрывал берега озерков. Вдруг озерко оказалось почти на уровне моих глаз, а я — упирающимся обоими локтями в моховой слой. Я провалился в так называемое «окно». Медленно подавался под локтями мох... Под ногами нет ничего, во что бы можно было упереться. Все тело сжимает какая-то сила, совершенно определенно давящая сверху вниз. Кругом ни одной палки. Мох, мох, мох... Я медленно погружаюсь в болото. Локти постепенно поднимаются вверх... Надавливаю шеей и подбородком в мох, освобождаю сначала одну, потом другую руку от тяжести тела и затем в одно мгновение вытягиваю их перед собой. Упираюсь на руки, подошвами ног удаётся упереться в жидкую, с чем-то спутанную массу. Часть спины оказалась на поверхности. Перевалившись набок и быстро-быстро пе-

ребирая ногами, я довел их до верхнего, наиболее густого слоя мха, пока, наконец, не оказался весь лежащим на моховом пласте.

На берег я полз всем телом, как червь, и лишь упершись коленями в корни ели, почувствовал, что почти весь в чем-то жидком и смертельно холодном. Черная грязь с бурими пряжами верхнего слоя мха забралась в сапоги, в карманы и облепила тело. Сделав несколько шагов, я упал, так как все тело тряслось, билось сердце и чернело в глазах.

Интересно, что, попав в «окно», ничего подобного я тогда не чувствовал — было не до того. Последствия я узнал, что в большинстве случаев

Я провалился в «окно».

люди гибнут при таких обстоятельствах потому, что мышцы рук быстро устают и теряют силу.

Не помню, как я попал к речке, где стал мыться. Это приключение оказалось для меня трагическим, так как вымокли спички. Напрасно я их сушил на солнце — плохое качество (шел 1919 год) делало свое дело. Головки, даже высохнув, не держались на спичке и при чирканьи летели в сторону. Без огня жизнь оказалась невозможной.

Я пробовал тереть сухое дерево о дерево, но этот верный способ предков оказался для меня неподходящим. Вместо огня получались мозоли на руках, ломило пальцы, горели ладони, а дерево лишь нагревалось.

На моей стоянке все было повреждено: на высоком суку лежал глиняный пирог с рыбой и, к счастью, оставленная «дома» записная книжка. Попади она в болото, все записи пропали бы. В книжку я занес скупую фразу: «Чуть не погиб, попал в «окно», вначале ничего не

чувствовал, а когда вылез, очень испугался. Спички погби, сам сижу в мокром...»

Помню, что на этот раз хорошо поел даже несоленой рыбы. Во время еды обдумывал, что делать. Нет соли, нет спичек, — отсюда вывод: ступай в починок. Поводов оставаться не было никаких.

Вернулся на речку, где стояли верши. Рыбы попало еще много. Выпустил ее на волю, верши оставил на берегу, почему-то вынул записную книжку и перечитал все записи. Показались тусклыми. Много важного было пропущено. Лихорадочно-быстро стал писать, стараясь восстановить правильный порядок событий и мыслей. Писал долго, было жалко оставить этот треугольник леса, в котором, будь соль и спички, можно было бы еще пожить...

Солнце стало склоняться, по компасу было уже часов шесть вечера. Надо было идти, чтобы вернуться до наступления ночи в починок. Наклонился к речке, чтобы попить чистой весенней воды, внизу блеснуло серебро крупной рыбы. Мелькнула мысль: «Попади я в «окно» вечером — пришел бы мне конец!»

На стоянку не зашел — было бы еще более грустно. Пошел прямо, чтобы выйти на проезжую дорогу.

Мелькнула мысль, что можно пройти просекой и заодно посмотреть, хорошо ли показаны границы отведенных зимой делянок. Здесь произошло новое, но уже последнее испытание.

Помню, дошел до первой делянки, посмотрел столбы, которые стояли, прислоненные к деревьям, поправил чернильным карандашом буквы и цифры. Только что хотел пройти к следующей делянке, стоявшей за полверсты, как вдруг вместе с ветерком донеслось далекое глухое рычанье. Я прислушался... Звук повторился. Перспектива встретить весной голодающую медведицу с детьми или просто голодного медведя меня пугала: складной нож с одной стороны, а с другой — когти и клыки — силы неравные.

Посмотрел на план и увидел, что вблизи идет зимник (дорога), по которой ездят зимой по снегу к реке Летке, через которую тут же Ва-

силий (мой хозяин) имеет заправду для ловли в верши рыбы. Пошел по зимняку. Было тихо. Вдруг минут через десять раздался рев. В первый раз рев шел со стороны ветра, а теперь—с противоположной. Ветер, следовательно, теперь дул от меня к зверю—это уже было опасно. Минут через пять рев послышался ближе и как будто сзади меня. Вспыхнуло едва сдерживаемое желание бежать, но бежать в зырянских лесах—значит почти наверняка погибнуть. На сотни верст кругом лес тянется без всяких дорог...

В голове билась мысль: «Медведь кружит, сжимая меня все более и более тесным кольцом. Скоро ли река?..» Между тем, зимняк извивался то в одну, то в другую сторону. Снова рев, на этот раз отчастиливый до такой степени, что казался, я даже слышу дыхание зверя... Где-то совсем близко трещал валежник... Помню, в голове неподвижно стояла одна мысль: «Что же будет теперь?»

Совершенно неожиданно расступился лес, блеснула узенькая полоса сенокосного луга; прямо с легким изгибом шла заправка Василия. Держась то за один, то за другой кол, переставляя ноги по ельнику и хворосту, я быстро перешел заправду. Бегом кинулся в сосновый бор.

Теперь я уже ничего не боялся. Медведь в холодную весеннюю воду не идет, а каждое дерево этого бора было мне знакомо за долгую зиму.

Минут через пятнадцать я был в починке Лоббож. Восклицаниям хозяйки и зверским ругательствам обрадованного Василия не было конца. Дело в том, что мне прислали из села Летки почту, из чего хозяева заключили, что меня в селе нет. Куда же я мог деваться?

Они боялись, что, если я пропаду без вести, их будут судить за убийство меня...

Маленькая бумажка, в одну четвертую листа (тогда был бумажный кризис), подчинила меня далекому Великому Устюгу. Через день, рассчитав рабочих, я уже сидел на станции «Мураши», а еще через день пароход выпустил меня на пустынную в то время устюжскую пристань.

Недели через две после моего отъезда охотники около села Летки убили громадного «старика»...

* * *

Прошло уже девять лет. За это время я побывал в целом ряде мест. Приключений и опасных моментов

было гораздо больше, чем в эту шестидневную родину. Как я ни старался, но повторить мне ее больше нигде не удалось.

Описанные мною шесть дней имели исключительное влияние на всю мою жизнь. Я стал интересоваться, как живут люди в Африке, Австралии, Океании. При чтении соответствующих книжек, описывающих жизнь первобытных людей, мне удалось подметить ряд сходных черт с зырянским и русским народным бытом. Отыскивая эти сходные черты, я невольно все глубже и глубже

стал вникать в народную жизнь. Через четыре года я поступил в бывший Географический институт. Умелое руководство собравшихся там ученых-этнографов сделало меня на всю жизнь работником в области этнографии.

Думаю, что если читатели «Вокруг Света» попытаются проделать такой же опыт, многие из них заинтересуются природой и человеком; это заставит их искать ответы на возникшие вопросы в книгах, а отсюда откроется прямой путь в мир науки...

ЛЕТАЮЩАЯ ЛЕЙДЕНСКАЯ БАНКА

Приключения советских аэронавтов

Рассказ А. Гиллера

Уже около 10 часов находились мы на аэростате. Послушный моей воле, он все время то поднимался, то опускался. Но теперь он заупрямился.

Было около 5 часов утра 18 марта. Близилось к восходу солнца, и холодный воздух таянул шарк к земле. Мешок за мешком летели за борт, и шар медленно и неохотно поднимался вверх.

Я заставил его подняться до 3750 метров. С трудом решился я на такой прыжок в высоту—на такой взлет. В наших условиях этот взлет грозил взрывом: мог взорваться весь аэростат и мы вместе с ним.

А могло это произойти вот почему. Внешняя оболочка нашего аэростата ничем не отличалась от других; но внутренняя его оболочка была окрашена алюминиевой краской.

Между этими двумя оболочками проложена изоляционная прокладка; в результате такой комбинации наш аэростат представлял собою как бы огромную лейденскую банку¹⁾. Внутри же шар был наполнен водородом. А так как в корзине аэростата была установлена коротковолновая приемно-передающая радиостанция, работа на которой производилась обычным телеграфным ключом Морзе, и так как ключ этот имеет свойство искрить, то опасность взрыва была вообще велика, особенно при взлете. Газ, выходя из клапана аэростата при взлете, не успевает подняться вверх, и аэростат все время нагоняет его. Водород, смешиваясь с кислородом воздуха, может дать гремучий газ,

который при малейшей искре должен взорвать аэростат.

Правда, мы приняли некоторые меры предосторожности. Так, например, заключили этот злосчастный ключ Морзе в резиновый шар-пилот и, таким образом, искры не должны были выходить за пределы резиновой оболочки. Но принятые меры могли оказаться недостаточными. Опасность взрыва была, следовательно, велика.

Не предупреждая своего спутника, на свой страх и риск, я решился на такой взлет. Сознание ответственности принуждало меня к особенной осторожности... Но выбора не было, и я всеми силами боролся с аэростатом, который тянуло книзу, и заставлял его подниматься все выше и выше.

Но как только я перестал сбрасывать балласт, шар, как был в месте, стремительно помчался вниз...

Я обозлился. Мне никоим образом нельзя было спускаться вниз: внизу воздушное течение медленно, но неуклонно несло нас к неприятельской границе, которую мне строго наложено приказано было не перелетать во избежание дипломатических осложнений. По направлению движения облаков я предположил, что вверх, в верхних слоях атмосферы, аэростат повернет в другую сторону и мне удастся избежать перелета через границу.

Но шар не слушался.

Мой спутник посылал во все стороны радиogramмы: «Цеку... Цеку... Цеку...»

С большим трудом, при помощи целого ряда крайне сложных манипуляций, мне удалось удержать аэростат на достигнутой высоте. Все обстояло благополучно: нас не взо-

1) Прибор, служащий для аккумуляции (накопления) электричества. Представляет собою стеклянную банку, выложенную снаружи и изнутри оловом в тончайших листах (станиоль).

Заставили портного по моим чертежам кроить аэроплан необычайной формы...

реало, через границу мы не перелетели. Оставалось наблюдать, как будет вести себя аэростат дальше.

И, о, радость! — он плавно и круто повернул на 180 градусов и медленно двинулся на восток, прочь от пограничной линии...

Настроение изменилось, и во все стороны полетели позывные сигналы: ЦСКВ... ЦСКВ... ЦСКВ...

И, несмотря на крайне неудобное положение, в котором я находился — все время на ногах, не имея возможности не только сидеть, но даже повернуться в корзине аэростата — мысленно я обозревал пройденный путь и вспомнил о моих предшественниках, о бесчисленных неудачных попытках, о загубленных жизнях и погибшем имуществе, — и все это благодаря отсутствию связи между аэронавтом и землей.

Например, несчастный Андрэ — этот пионер полета на Северный полюс. Никаких следов его до сих пор не обнаружено. Затерянный в безбрежных пространствах, среди необозримых льдов без каких бы то ни было признаков жизни, он несся на своем воздушном шаре по воле течения и с ужасом видел, как гибнут все его надежды, рушатся планы, как ждет его неминуемая гибель от голода и холода.

И никакой возможности дать знать о себе, сообщить о месте полета, о спуске!

Вспомнились наши советские полеты. Полет Зыкова. Шар занесло на Уральский хребет, в безлюдную местность. Правда, пилот и его спутник, после продолжительного многодневного скитания, полужизни, умирающие с голоду, добрались до жилья. Но шар погиб, а он стоил около 17 000 рублей.

Еще много случаев неудачных полетов выплыло в моей памяти.

Затем их сменили другие, которые благодаря радио закончились удачей.

Во время мировой войны один немецкий цеппелин вылетел из Фри-

дрихсгафена в самый центр Африки, где были посажены немцы. Во время рейса цеппелин держал непрерывную связь с Фридрихсгафеном. Какой бодрый дух влил бы этот вестник «с неба» в души осажденных! Какую моральную и материальную помощь и поддержку он мог бы им оказать!

Но англичане, которые все время с опаской следили за рейсом цеппелина, с помощью выкраденного кода послали на цеппелин ложную радиogramму с требованием возвратиться в Фридрихсгафен.

В 1919 году английский дирижабль проделал путь в Америку и обратно, находясь при помощи радио в непрерывной связи со своей базой. Уже вблизи американских берегов он получил радиogramму, предупреждавшую о свирепствовавшем впереди воздушном шторме; он немедленно повернул обратно и благополучно прибыл в базу, избежав катастрофы.

И наиболее яркий пример пронесся в моей памяти — перелет Нobile и Амундсена через Северный полюс. Конечно, без связи перелет был бы, если не невозможен, то, во всяком случае, весьма гадателен.

Но все это была связь на длинных волнах, при чем аэронавты пользовались только приемником, так как длинноволновый передатчик чересчур тяжел.

Я с гордостью оглянулся на скромную любительскую коротковолновую установку и на моего спутника, с которым мы только что избежали большой опасности, и любовно окинул взглядом корзину и все в ней находившееся.

И еще большая гордость и сознание важности нашего опыта охватили меня, когда я вспомнил о том, при каких условиях начался наш полет, с какими трудностями был он сопряжен и сколько пришлось вынести, пока, наконец, удалось осуществить этот опыт.

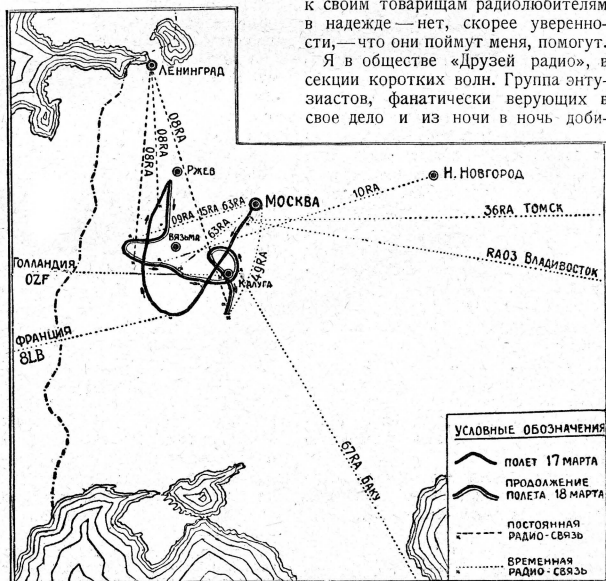
Вспомнил я, как больше двух лет носился с мыслью о связи аэростата с землей, как всячески пытался доказать необходимость и осуществимость подобной связи.

Но в то время радио было делом новым, о коротких волнах и совсем не знали, — длинные же волны не давали возможности наладить желаемую связь.

Теперь все позади. Но сколько уговоров, убеждений — досадных и бесплодных! Сколько скептических и насмешливых улыбок и горьких слов!

Я обивал пороги Академии Воздушного Флота, Научно-Испытательного Института Воздухофлота... И после множества бесплодных и безрезультатных попыток решил пойти к своим товарищам радиолюбителям в надежде — нет, скорее уверенности, — что они поймут меня, помогут.

Я в обществе «Друзей радио», в секции коротких волн. Группа энтузиастов, фанатически верующих в свое дело и из ночи в ночь доби-

Маршрут рекордного полета советских коротковолнщиков на воздушном шаре (17—18 марта 1928 г.).

вающихся рекордной связи с Америкой, Африкой, Австралией...

Дело пошло полным ходом. План намечен — любительская установка: коротковолновые передатчик и приемник. Антенна — пустяк. Связь будет и двусторонняя — QSO обеспечено. Источники питания — вот большое место всякой установки. Но и эти препятствия надеются преодолеть.

Я — у аэростата; мой спутник у своей установки. И то и другое свое — любительское. Радиопередатчик и приемник смонтированы моим спутником, все своими руками, и только одни лампы фабричные.

А аэростат?

И вспомнил я, как строился он. В цейтгаузач Н-ого воздухоплавательного отряда валялись старые оболочки от шаров. Прошлое их терялось еще в эпохе империалистической или гражданской войны. Лежали они — этап в цейтгаузе и ждали того момента, когда их извлекут оттуда и портной начнет кроить из них непромокаемые плащи и пальто.

Из этих-то оболочек я и решил построить аэростат моей конструкции. Переодевшись с ячеей Осоавиахима отряда, которая одобрила мой план, и мы ревностно принялись за дело.

Заставили портного кроить аэростат не обычной веретенообразной формы, а по моим чертежам — трапециоидальный.

Медленно двигалось оборудование его. С особенным трудом дались нововведения: клапан особой конструкции (вес 3 килограмма вместо 16), веревочный такелаж (облегчен на 50%), подвесной стальной обруч (6 килограмм вместо 16) и т. д.

Наконец, все готово. Испытания выдержано. Аппарат признан вполне пригодным для полета, ничуть не уступающим по своим качествам и прочностным заводскому. А стоимость его — 300 рублей вместо 12 000 — стоимость заводского аэростата подобной кубатуры (800 куб. метров)...

А теперь экзакмен в воздухе. И какой экзакмен!

Пронесется в мыслях воспоминания о первых часах полета. Тщетные попытки войти в связь с какой-либо коротковолновой станцией. Полное отчаяние моего спутника. Его бесконечные и бесплодные вызовы: Всем... Всем... Всем..., остающиеся без отклика...

И когда он уже впал было в полное отчаяние, в уши ворвалась человеческая речь на непонятном языке... Оказалось, нас услышал голландец... Ура! Значит, передатчик в порядке...

Собирая в памяти отдельные немецкие слова, мы спешим сообщить ему, где мы, и просим передать в Москву, в секцию коротких волн восточку о нас... И тут же мы слышим, как голландец вызывает Москву и передает. А сами мы с ней связаться не можем (близко, что ли?).

Нас забавляет этот странный способ сообщения: аэростат — Москва через Голландию.

В разговор врываются с позывными «СОК» Сокольники на коротких волнах и просят дать знать о себе. Мы пытаемся связаться с Сокольниками, настойчиво вызываем их, но ничего не выходит...

Мы опять вызываем: Всем... Всем... Всем...

В уши врывается снова иностранная речь — отвечает француз. Французы нас услышали, а свои молчат...

Ну, что же? Просим француза сообщить в Москву, что все обстоит благополучно...

И вот он уже передает нашу радиogramму в Москву. А связаться с ней непосредственно мы не можем...

Опять вызываем: Всем... Всем... Всем... — снова бесплодно...

Пытаемся вызвать Баку. Услышали нас. Просим передать в Москву, что никак не можем связаться с ней.

На время прекращаем вызовы. Ночь близится к концу. Наступает время, когда Ленинград должен нас услышать.

Опять вызываем: Ленинград... СКВ... СКВ... СКВ... И вдруг в уши с ужасающей слышимостью врывается:

«Говорит Ленинград 08RA Маруся Гилярова... Я слышу вас великолепно... Что с вами?.. Где вы?.. Как чувствуете себя?!»

Громкое «ура» вырвалось у нас обоих. Гилярова передала, что с самого момента отлета они тшечно пытаются связаться с нами, то же и в Москве, и что они получили сведения через голландца и француза... Она сообщила дальше, что по прямому проводу находится все время в непосредственной связи с Обществом Друзей Радио в Москве и что постарается и дальше не терять связи с нами, так как в Ленинграде

Мы спешим сообщить выше, за пределы досягаемости пуща...

и Москве установлены бесценные дежурства.

Дальше все было крайне просто: мы передавали,

нас принимали. Шаг за шагом мы передавали о своем полете. Нас приветствовали, давали указания, советы, приказы. Мы ликовали и наивно полагали, что победа за нами и все кончено.

Но рано было ликовать: суточное кольцо не было еще замкнуто, не было дублировано. Нам предстояло еще длительное испытание.

Настала ночь — вторая на борту аэростата. Она была особенно мучительна. Усталость одолевала. Кдоило ко сну. Подкашивались ноги. Сознание туманилось. А спать нельзя было.

Правда, нечего было опасаться. Мы находились на достаточной высоте, и опыты наши можно было считать почти законченными. Направление аэростата, как можно было судить по компасу, карте и звездам, никакого беспокойства не вызывало. Но все же необходимо было бодрствовать.

Мы подбадривали друг друга, подтрунивая: «Что, брат, спать захотелось?» — и таким образом разгоняли сон... Но это помогало не надолго...

Я вижу, как ключ Морзе валится из руки моего спутника, голова его склоняется и, хотя он борется со сном, машинально выстукивая точки и тире, — но я знаю, что сознание его затуманено, что он уже спит.

Силой воли стряхивает он с себя одолеваяющий его сон, потягивается, переминаясь с ноги на ногу, пытается расправить онемевшие от неудобного положения ноги и вновь начинает выстукивать бесконечные радиogram-

мы: он вызывает Баку, Томск, которые его слышат, Москва же и Ленинград ночью опять нас не принимают.

Меня тоже одолевает сон. Усталость смыкает веки. Ноги стали чужие и отказываются служить — ведь мы уже свыше 30 часов на ногах, так как не только сидеть, но даже и стоять по-человечески нелегко — почти все место в корзине занято радиоустановкой и источниками ее питания.

По военной привычке спать на ходу, я засыпаю...

Меня разбудил выстрел из винтовки.

— Слышите? В нас стреляют, — говорит мой спутник.

Мы спешим подняться выше, за пределы досягаемости пуль, и я успокаиваю моего спутника, что это обычная хулиганская выходка, почти неизбежная деталь каждого полета.

Время близится к восходу солнца. Шар неудержимо тянет вниз, и мне приходится принимать героические

меры, чтобы удержаться на высоте и не снизиться.

Утомление достигает предела. Напряжением воли продолжаем полет. Прорезывая облака, показывается солнце. Воздух разогревается, и шар начинает медленно ползти вверх, все увереннее забирая высоту.

Мой спутник продолжает бросать в пространство призывные: Всем... Всем... Всем... и принимать ответные радиogramмы. Пора спускаться. Мы кружим, кружим. Я ишу удобного для посадки места. А аэростат стремительно несется вверх, в облака.

Началась игра моя с аэростатом: он стремится вверх, а я его заста-

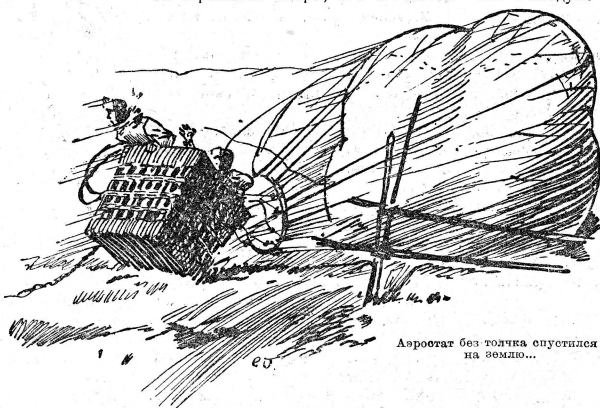
вляю медленно и скачками спускаться вниз...

Это было в 30 верстах от Калуги, куда я намеренно направил аэростат. Я приказываю моему спутнику приготовить балласт и быть готовым...

И вот мы на земле. Без толчка, тихо и плавно спустились. Мой спутник наскоро устанавливает на ближайшем дереве антенну, просит сбежавшихся крестьян подвести корзину к дереву, вновь начинает свои бесконечные вызовы: Всем... Всем... Всем... и сообщает, что после 40 часов 32 минут пребывания в воздухе мы спустились благополучно. Здесь же, на земле, мы получили радиogramму от Генерального секретаря ОДР и Начальника воздушного флота:

«Постарайтесь продержаться еще час — побьете доводный рекорд».

Опыт кончен. На борту остались три мешка балласта из 24, взятых с собой. Мы могли бы продержаться в воздухе еще 6—7 часов. Но рекорд и так побит...

Аэростат без толчка спустился на землю...

НА ПЛОТУ

(К рисунку на обложке)

Империалистическая война, невольным участником которой пришлось побывать и Джими, оказала на него весьма неординарное влияние — она разбудила в нем неугасимое стремление к путешествиям и жизни среди природы. Два года назад в сопровождении своего близкого друга, которого он любимо называл «Старый Дэви», Джими бежал от безработицы из «дорожного отечества» в Западную Канаду и вскоре основался в городе Эдмонтоне. Там был большой спрос на рабочую силу по постройке железнодорожной ветки, и несколько дней спустя друзья уже долбили кирками и лопатами горные кряжи близ Рокваса.

Несмотря на маленький рост и слабую на вид комплекцию, Джими принадлежал к такому сорту людей, который, если на него зарычит лев, смело подойдет к нему и спросит, в чем дело. Внешность иногда бывает очень обманчива.

Тельбишук той партии, где работал Джими, скоро испытал это на себе. По складу своего характера он должен был вечно кого-нибудь запугивать и издеваться над кем-нибудь, а так как «маленький англичанин» был меньше всех ростом, то на него и пал жребий стать

очередной жертвой насмешек и издевательств. Джими крепился целую неделю — боялся потерять работу утеряла его пылкий характер. Но скоро чаша терпения переполнилась: тельбишук пустил грубое замечание по поводу роста Джими, задев самое больное его место.

Тельбишук был чуть ли не вдвое выше Джими. Тем не менее, это не помешало «маленькому англичанину» отбросить в сторону лопату и ураганом броситься с кулаками на оскорбителя. Гигант напрасно старался оградить себя от железного града ударов Джими. С проклятиями, несвязно срывающимися с окровавленных губ, он выхватил у ближайшего рабочего лом и, подобный разъяренному слону, бросился на Джими. Лом со свистом рассекал воздух, но «маленький англичанин» увернулся от первого ужасного удара (а не успел он увернуться — донесение по начальству гласило бы: «Убит оторвавшейся скалой») и тоже стал искать глазами какое-нибудь оружие. Чьи-то затоптанные руки — Джими выбрал ближайшие из двух десятков протянувшихся — сунули ему лопату как раз в тот момент, когда тельбишук собирался нанести Джими второй удар. Послышался звонкий лягз, гигант

замешкался на один миг, сверкнула в воздухе отполированная сталь лопаты, тонкая красная полоска образовалась на голове тельбишука, брызнула кровь — и обидчик упал без сознания на землю.

Несколько секунд ошеломленный Джими стоял среди захваченной толпы и молча смотрел на побежденного врага. Если он очнется, он либо застрелит того, кто осмелился напасть на него, либо непременно сделает его своим «другом», пока не найдет удобного случая отомстить так, что на него не падет и тени подозрения...

Да, он должен бежать. Но как? Единственный — кратчайший и наиболее быстрый — путь, которым ему предстояло воспользоваться, была бурная горная река. Джими, глядя на бурный поток, почувствовал нежность к своим товарищам, которые немедленно приглядились за сооружением грубого плота. Нервный комок подступил к его горлу, когда он увидел, что Дэви, испытывавший панический ужас перед водой, не раздумывая, вскочил на дружно сколоченный плот и схватил весла.

Стараясь скрыть охватившее его волнение, Джими подал знак, и несколько пар загорелых рук оттолкнули плот на середину яростно бурлившего потока. Плот сейчас же подхватило течением, и два смеельца скрылись с глаз оставшейся толпы.

* * *

Несколько часов все шло хорошо. Джими начал уже подумывать о том, чтобы пристать к берегу, отдохнуть, закупиться... Но вдруг его мечты превратились внезапно усилившимся ревом воды: плот вошел в узкий проход реки.

Джими уловил испуганный взгляд Дэви и по движению его губ догадался, что он что-то говорит. Увеликаемый все возрастающим течением, плот с головокружительной быстротой понесся по потоку, сковавшему гранитными объятиями острых скал. Вода вырвала у Джими весла, запертела плот в предсмертной агонии и с силой отбросила его в сторону. Плот затрещал и со всего размаху ударился о большой камень, возвышавшийся над водой. Джими крикнул Дэви, чтобы тот следовал за ним, сделал отчаянный прыжок и очутился на камне, а затем, не долго думая, нагнувшись и помог выбраться товарищу как раз в тот момент, когда разбитый плот уже погружался в воду.

Задышавшись от напряжения, Джими сел на камень и огляделся. Они промоклишь на плоту по меньшей мере километров шестьдесят от места стоянки. Был знойный полдень, когда лопата Джими раскопала лоб табельщику, а теперь уже сонные склонились к западу. Нигде поблизости не было никакого жилья. Джими знал это наверняка, — а железная гора в Эдмонтон проходила километрах в сорoka на восток. С горечью поумал Джими о том, что его мечты побыть среди природы, в делях — ослучились, но как трагически... Посмотрев на бурное течение реки и прикинув в уме, что до берега было не менее двадцати метров, он оторосил всякую мысль о возможности выплав добраться до него. Единственной надеждой их было — положиться на случай, который занес бы сюда человека с веревкой. Но угрюмые берега, покрытые густым лесом, казалось, говорили о том, что никогда человеческая нога не ступала здесь.

Всю долую ночь напролет Джими и Дэви, дрожа от холода, жались на покато камне, кричали поодиночке и вместе в надежде, что случайный бродяга услышит их крик. Но единственным ответом им было жалобное, меланхолическое завывание горных львов. Вой их скорее походил на плач заблудившегося ребенка, чем на устрашающее рычание льва...

Наступило утро, вошло солнце, а с ним появились мириады москитов. Когда солнце начало подниматься выше, Джими и его товарищи стали невольно страдать от жажды. Хотя они и были окружены водой, однако не могли дотянуться до нее, не рискуя свалиться в реку. Джими пришлось в голову связать из рубаш длинный жгут. Опуская его в кипящий, беснующийся поток, они выжимали воду в пересохшие рты.

Их мучил голод, и они вспоминали, что не ели в течение многих часов. Но голод и жажда были еще терпимы по сравнению с невыносимыми укусами москитов. К счастью, физические мучения от укусов отделились от еще более ужасного сознания полного бессилия.

Совсем охрипший Джими не мог уже больше кричать. Он отжал рубаху и начал ею махать. Эта своеобразная сигнализация не ускользнула от острого взора горного индейца. Разрядив ружье в воздух, он дал понять, что скоро вернется, и исчез.

Опять потянулись томительные часы ожидания. Наконец, индеец появился снова,

но не один, а с несколькими товарищами. В сердцах Джими и Дэви затеплилась надежда. Индейцы сползли со скалы вниз на берег и стали что-то делать с веревкой.

Вдруг один из них натянул лук — и стрела прожужжала мимо скалы, на которой сидели оба путника. Прожужжала вторая стрела и задела Дэви за подбородок, едва не сбив его с камня. Джими понял, в чем дело: к стреле была привязана тонкая бенсика, за которую он жадно ухватился руками.

Осторожно и медленно тянул он бечевку до тех пор, пока в руках его не очутился привязанный к ней конец толстой веревки. Тогда, повернувшись к Дэви, он начал обвязывать веревку вокруг его талии. Дэви запротестовал. Перспектива погрузиться в бешено kloкозущий поток — даже при условии, что индейцы будут тащить его на берег, — была выше его сил. Думая, что наглядный пример лучше может подействовать на Дэви, чем слова, Джими надел на себя петлю, затянул ее, пожал руку Дэви, подал знак на берег и прыгнул в воду...

Вода забурлила, закружилась, коршунм налетела на Джими и скрала его с глаз спасающих. Но вскоре веревка сделала свое дело, и Джими опять оказался на поверхности воды. Жадно вдохнув воздух, он стал бороться со стихией, напрягая все силы; индейцы быстро тянули веревку к себе, и через несколько минут Джими стоял на берегу — мокрый, дрожащий, но невредимый...

Не теряя времени, Джими сбросил мокрую одежду; один из индейцев снова при-

крепил конец веревки к стреле и прежним способом отправил его Дэви. Последний, увидев, что друг его добрался здоровым и невредимым до берега, подавил в себе страх настолько, что обвязал веревку вокруг пояса и бросился в реку.

Джими пришлось пережить тяжелые минуты. Как только Дэви бросился в воду, он сразу исчез в глубине, потом на минуту появился на поверхности, в клубках молочной пены — и опять исчез. Индейцы стали тянуть веревку, но она легко взлетела в воздух — петля развязалась...

Онемев от ужаса, Джими усталыми остановившимися взглядом на то место реки, где то исчезал, то появлялся его друг. Трое из индейцев бросились бежать вдоль берега, и на бегу один из них быстро обвязал вокруг себя веревку. Он бросился со скалы в бурную реку, а его товарищи крепко держали веревку.

Напрягая все силы в борьбе с течением, индеец быстро настиг утопающего. Товарищи бежали по берегу, крепко держа концы веревки и стараясь не отставать от спасителя, которого уносило яростным течением вниз. Индеец настиг Дэви, схватил его, и с помощью остальных оба вскоре были вытасканы на берег.

Испуганный, в полуобмороке, Дэви всецело отдался Джими. Друг так яростно тормошил и растирал его, что уже несколько минут спустя Дэви совсем пришел в себя.

Индейцы повели их в свой лагерь, снабдили одеждой, проводником и необходимой пищей и отправили к железной дороге. Несколько дней спустя друзья благополучно вернулись в Эдмонтон...

ЧТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ???

ОТВЕТЫ ЧЕТВЕРТОЙ СЕРИИ

1. Астрономические сутки равны 23 час. 56 мин. 4 секунды.
2. Шестой частью света называют Антарктиду (Южный полярный материк).
3. От икени Амариго Веспуччи, одного из первых мореплавателей, открывших этот материк.
4. Свыше 74° по Цельсию.
5. Рыбы эти раздуваются, и внутренности через рот выпирают наружу. Происходит это потому, что организм глубоководных рыб привык сопротивляться большому давлению воды.
6. Циклопозский.
7. В области Арало-Каспийской низменности.
8. Складовская-Кюри открыла радий.
9. В понятие Ближнего Востока входят: Балканский полуостров, Турция, Персия, Афганистан, Аравия, Северная Африка, Закавказье и Средняя Азия.
10. Соль.
11. Вулканы Эребус и Террор в Антарктиде.
12. Планеты — это сравнительно небольшие небесные тела, движущиеся вокруг солнца подобно нашей Земле. На звездном небе они постоянно меняют свое положение относительно других звезд. Неподвижными звездами в астрономии называют небесные тела, отдаленные от нашей солнечной системы настолько, что их головокругительные движения в разных

направлениях неощутимы для нашего глаза.

13. Континентальный климат отличается от морского большей годовой амплитудой, т.е. более теплым летом и более холодной зимой.

14. Между Тигром и Евфратом.

15. Солнечные затмения происходят тогда, когда Луна проходит между Солнцем и Землей, заслоняя собой солнечный диск. Лунные затмения бывают тогда, когда Луна находится на одной линии с Солнцем и Землей, но по другую сторону Земли. Тогда Земля заслоняет собой солнечный свет, падающий на Луну.

16. Северо-западный проход был открыт Мак-Клюром в 1850 году. Северо-восточный проход открыт А. Э. Норденшельдом в 1878—1879 годах.

17. Сиам.

18. Южной оконечностью Азии является мыс Бурю на южной оконечности Малаккского полуострова, Африки — мыс Игольный, Ю. Америки — мыс Фровард, Австралии — мыс Уильсон.

19. Потому, что на эти глубины не проникает солнечный свет, и не имея собственного освещения, глубоководные рыбы были бы обречены жить в темноте.

20. Петрография занимается изучением состава горных пород.

21. Из асбеста выделяются огнестойкие ткани.

22. По р. Араксу.
23. Мулат—это помесь белого с negro; креол—помесь белого с краснокожим; сампо—помесь негра с краснокожим.

24. Самой высокой точкой земного шара является гора Эверест в Гималаях, достигающая 8840 метров над уровнем моря. Величайшая известная глубина моря достигает 9 636 метров в области Марианских островов в Великом океане, к северу от Австралии.

25. Фламинго.
26. Тунну-Тувинская республика.
27. Приливы и отливы в океанах происходят благодаря притяжению водной оболочки Земли (гидросферы) Луной. Наивысший уровень воды (полная вода) наступает, когда Луна проходит через меридиан места, малая вода—приблизительно во время восхода и захода Луны.

28. Непал.
29. Главной составной частью минеральных удобрений являются фосфориты и калийные соли.

30. Для этого следует густо обложить основание палатки хвойными ветвями.

31. Тамерлан (Тимур)—один из величайших мировых завоевателей. Родился в 1336 г. в Шахризбэе (Вост. Бухара) и начал свою военную карьеру во главе разбойничьей шайки. Впоследствии расширил свои владения чуть ли не на весь азиатский Ближний Восток, доходя на севере до Волги и Дона.

32. Планета Сатурн. Кольца Сатурна состоят из бесчисленного множества отдельных твердых частей, обращающихся вокруг планеты с различными скоростями в зависимости от расстояния.

33. В Закавказье, Средней Азии и Приамурье.

34. На вершину горы Монблан в Альпах.

35. На мысе Чаква близ г. Батума, в пределах Аджарской АССР.

36. Протисты—это мельчайшие организмы, являющиеся как бы переходными формами от животного мира к растительному.

37. В северном и восточном.

38. Гелиотропизмом называют стремление зеленых растений к солнечному свету. Явление это можно прекрасно наблюдать у комнатных растений, стоящих вблизи окна. Все молодые побеги таких растений оказываются изогнутыми по направлению к окну.

39. В представлении вавилонян Земля является неподвижной массой, крепко опирающейся на каменные столбы, основания которых теряются в бездне хаоса. От вавилонян это представление перешло впоследствии к персам, сирийцам и отчасти к древним грекам.

40. Старейшим научным учреждением в СССР является Всесоюзная Академия Наук, существующая свыше 200 лет.

41. На острове Кергуэлен в Южном Ледовитом океане. Произошло это явление потому, что там постоянно дуют сильные ветры, и если бы насекомые имели крылья, их неминуемо унесло бы ветром с острова в море.

42. Основной единицей метрической системы является метр, равный одной десятиллионной части четверти парижского меридиана (точнее—443 296 парижским линиям при 0° Цельсия). Основной метрической мерой веса является грамма, равный весу одного кубического сантиметра воды при 4° Цельсия.

43. Около 25 000 пудов.

44. Иод.

45. Маточкин Шар.

46. Овцы.

47. Итальянский астроном Скиапарелли.
48. Столица Тибета—Лхаса. Она замечательна тем, что является центром северного буддизма. В Лхасе проживает Далай-Лама, являющийся по верованиям буддистов «наместником бога» на земле, подобно папе римскому по верованиям католиков. По религиозному закону в Лхасу не имеют права проживать не-буддисты.

49. В Закавказье.
50. Журнал «Всемирный Слепопут» со своими приложениями—«Вокруг Света» и «Всемирный Турист».

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

РАЗВЕДЕНИЕ КЕНДЬЯР КОРНЕВИЩЕМ.

Искусственное разведение кендыря интересуют сейчас работников Средней Азии, так как разведение его семенами и сянками—способ достаточно дорогой, да и не всегда достигает цели, ибо до 3% семян погибает, и кендырные площадки требуют в течение года постоянной подкормки, что значительно удорожает стоимость работ по разведению кендыря.

Гораздо проще и дешевле разведение кендыря корневищем и самосевом.

Для посадки заготавливают корневища в 20—25 сантиметров и короче. Высаживают корневища под плуг на расстоянии немного менее метра друг от друга по земле, вспаханной с ранней осени. Корневища, высаженные в марте—апреле, быстро и дружно принимаются. Только в очень редких случаях—если допущена посадка испорченных корневищ—требуются подсадка, но не более как на 10—15% общего высаженного количества.

Способ размножения самосевом еще проще. Выбирается площадь вблизи естественных зарослей, очищается от посторонних зарослей и распахивается ранней весной в глубину на 20—25 сантиметров, при чем в течение лета 2—3 раза боронуется тяжелой бороной, для чего площадь должна быть выбрана с подветренной стороны зарослей.

Осенью, при созревании, кендырные стручки раскрываются, и семена, разносимые ветром, ложатся на рыхлую подготовленную площадь, обсеменяя ее. После обсеменения площадь следует один раз проборонить, и работа по посеву за этим заканчивается.

Есенной такой посев дает густую, сильную щетку всходов, которую требуется на второй год прореживать.

Ю.

ВСЕОЗЮЗНЫЙ МУЗЕЙ-ХОЛОДИЛЬНИК.

Дальневосточная географическая обсерватория прислала Академии Наук интересный проект организации на Дальнем Востоке ледяного музея-холодильника. В Амурской области есть места, где почва никогда не отмерзает. Здесь на глубине 80 метров можно построить музей, в котором могут сохраняться тысячелетиями трупы животных и людей. В музей-холодильнике можно будет ставить опыты по анализу на весьма полные сроки. Директор обсерватории Сумгин уже проделал в этом отношении ряд опытов, при чем ему удалось сохранить в течение десятков лет трупы различных животных, в совершенно неизменном виде. Кроме того, в полость вечной мерзлоты найдены прекрасно сохранившиеся мамонты и носороги. Трупы этих

животных сохранились в такой целостности, что и теперь, после десятков тысяч лет, мясо этих трупов можно есть. Сумгин находит, что этот «ледяной пантеон» может с успехом стать международным, так как возможность заполнения музея трупками животных из Азии, Австралии, Африки и Америки сможет привлечь и научные иностранные общества.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ДЛЯ ПАРОХОДОВ.

Вопрос о переезде грузов, идущих по Волге на Дон и обратно, вызвал несколько проектов, которые сводятся либо к соединению Волги и Дона железнодорожными путями, либо к прорытию канала между Волгой и Доном. Первый проект требует двойной перегрузки товара, что удорожает стоимость перевозок, второй этого не требует, так как суда с Волги без перегрузки должны проходить на Дон. Хотя осуществление первого проекта должно обойтись сравнительно дешево и потребует меньше времени, преимуществ второго в конечном результате так велики, что он и принят к осуществлению.

Недавно инженер Ф. Барыкин предложил еще третий проект—устройство Волго-Донского железнодорожного для перевозки самых судов, идущих по Волге на Дон и обратно. Проект, действительно, грандиозный, но и при нынешнем состоянии нашей техники исполнимый.

По проекту иж. Барыкина железнодорожное полотно обычного типа будет иметь три-четыре пары путей, по которым должны ходить вагоны с громадными полувагонами, наполненными водой с «плавающими» в них перевозимыми судами. Направление проектируемой железной дороги отличается полным отсутствием закруглений и состоит из пяти отрезков прямых линий, образующих в целом ломаную линию, при чем на местах изломов находятся особые поворотные круги или бассейны. Таким образом, судовой поезд идет по совершенно прямой линии, на переломе линии он поступает на поворотный круг или в бассейн, затем идет по следующему отрезку линии и т. д. На конечных пунктах линии имеются шлюзы, в которые и поступают перевозимые суда и откуда они поступают в вагоны.

Проект иж. Барыкина предусматривает перевозку судов до 5 000 тонн вместимости и длиной в 80 метров. Для перевозки судов до 2 000 тонн потребуется не менее 4 паровозов, для более крупных—электрическая тяга.

А. У.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

НОВОЕ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ.

Проф. Кирпатрик (Америка) опубликовал итоги своих наблюдений над землетрясениями. Он утверждает, что степень разрушительности может быть определена тонами подземного гула. Чем выше по диапазону и короче гул, тем меньше сила землетрясения; чем ниже, тем разрушительная сила его больше.

Д-р Созман из Вашингтонского университета предлагает устраивать искусственные землетрясения взрывами или бросанием осей, больших тяжестей—с целью планомерного изучения скорости и интенсивности движения подземных волн и установления, в связи с этим, точной структуры недр земли.

Г.-М.

